

Боровик, Б.О.
Предметный
каталог.

1925г.

557
510855

cl. 1954 (act)

19

26.000

Б. О. БОРОВИЧ

~~29. II~~
~~354.~~

ПРЕДМЕТНЫЙ КАТАЛОГ

5-1085-5

322 (30)

1924
654x

√ 45

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
= НАУЧНО-БИБЛИОТЕКА =
БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ТРУД“
ХАРЬКОВ — 1925

Проверено
ЦНБ 1938

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ТРУД“

Харьков, пер. Короленко (б. Петровский), д. 18,
зд. Гос. Библ. Тел. 4-04.

ВЫПУЩЕНЫ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. По вопросам народного образования

- „Библиотечные преступники“**—сборник статей, ц. 40 к.
Борович.—Организация и ведение небольших библиотек (опыт практического руководства), стр. 96, X., 1918 г. (разошл.).
его же.—Рабочие клубы, их организация и ведение, стр. 96, X., 1919 г. (разошл.).
его же. Детский клуб (история одного опыта), стр. 128, X., 1919 г. (разошл.).
его же.—Как читать народные лекции (опыт методологии), стр. 40, X., 1922 г. (разошл.).
его же.—Пути сближения книги с читателем (опыт методологии культурной работы в библиотеке), стр. 104, X., 1922 г. (разошл., готовится 2-е издание).
его же.—Инсценировка, как метод просветительной работы, стр. 42, 1-е изд., X., 1923 г. (разошл.); 2-е изд. X., 1924 г.
его же.—Книгопродажа, как просветительная работа, X., 1924 г.
его же.—Как читать книгу, X., 1924 г. ц. 50 к.
Веккер Е.—Дети и советское право, стр. 112, X., 1925 г. ц. 45 к. (разошл.).
Зарецкий М.—Организация коллективной жизни в школе (вопросы самоуправления), стр. 160, X., 1925 г., ц. 70 к. (раз.).
Маро (М. И. Левитина).—Работа с беспризорными. Практика новой работы в СССР, стр. 96, X., 1924 г. ц. 35 к. (раз.).
„Спутник лектора“, вып. I.—Планы, тезисы, литература. Вступительная статья, редакция и библиография Боровича. стр. 96, X., 1919 г. (разошл.).
„Читатель и Книга, методы их изучения“.—Сб. ст. Я. В. Ривлина, Н. А. Рубакина и Б. О. Боровича, стр. 100, X., 1925 г., ц. 45 к.

II. Научно-популярные издания

- Гарви Ю.**—Капитал против труда, X., 1919 г. (разошл.).
Годанн Макс д-р.—Юноша и девушка, X., 1925 г. стр. 128 ц. 55 к.

Б. О. БОРОВИЧ

~~29.11~~
~~354~~

ПРЕДМЕТНЫЙ КАТАЛОГ

~~2824~~
510855

322 (30)

1927
659

ЦЕНТРАЛЬНА
— НАУКОВО-УЧБОВА —
БІБЛІОТЕКА

8.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ТРУД“
ХАРЬКОВ — 1925

510855

48

210855

ПРЕДИСЛОВИЕ

В целях пропаганды предметного каталога, нам в течение последних пяти лет приходилось часто выступать с докладами и на Украине и в России, приходилось „выдерживать бой“ в дискуссиях с децималистами и всякими другими „систематиками“. В результате всех этих споров, мы всегда выслушивали просьбу—дать в письменном виде теоретическое обоснование своих взглядов, а затем и практическое руководство по составлению предметного каталога. До сих пор мы этого не делали не только из-за отсутствия времени, но и потому, что хотелось на практике снова и снова проверить правильность своих построений, хотелось лишних доказательств неправоты противников. После пяти лет практической работы над предметным каталогом в условиях большой библиотечной активности, мы считаем нужным выпустить настоящую книжку. Это не учебник, не канонические правила—всякие каноны лишь вредят живому делу, которое должно всегда расти и двигаться. Мы даем лишь изложение своего опыта, описание всего того, с чем мы столкнулись в процессе наших исканий.

Не без некоторого удовлетворения мы констатируем, что за истекшие 5 лет идея предметного каталога одержала у нас крупную победу. На Украине несколько библиотек уже заводят у себя этот каталог, другие о нем пока лишь мечтают. Да и в России пробита большая брешь в этом отношении, и самые заядлые наши децималисты сдают понемногу свое оружие: и в Москве уже приступили к составлению предметного каталога. Мы будем считать свою цель вполне достигнутой, если эта наша книжка вызовет некоторое движение библиотечной мысли и, с другой стороны, поможет библиотекарям практически, вплотную, подойти к новому у нас делу—к предметному каталогу. Пусть—в процессе работы—явится еще целый ряд оплодотворяющих мысль споров; пусть кое-что в результате примет и другие формы: но ведь все это только на пользу тому делу, которому мы все служим.

Список рубрик и ссылок, а также указатель к предметному каталогу будет выпущен нами текущей осенью.

Всякого рода замечания и мысли по поводу настоящей книжки автором будут приняты и учтены с признательностью.

Б. О. Борович

Харьковск. Государств. Библиотека
им. В. Г. Короленко

Июль, 1925 г.

І. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КАТАЛОГОВ

В библиотечном деле громадную роль играют каталоги—без них совершенно невозможна правильная работа, невозможно широкое обслуживание населения. Конечно, библиотеке, всего раньше, нужны книги,—этот богатейший основной материал, эти разнообразнейшие „орудия производства“. Книгохранилище для библиотеки это то же, что склад материалов для крупного завода: без этих материалов нельзя производить никакой работы.

Но представим себе большой склад, в котором свалена масса всевозможных частей и фабрикатов, пригодных для самых разнообразных целей; склад этот занимает несколько комнат, а материалы лежат кучами, безо всякого порядка. Допустим, что тут есть все, что данному заводу нужно для всех цехов. Можно ли однако пользоваться этими материалами, если их тысячи названий, много различных размеров и если вместе свалены части для разных работ и различного назначения? Почти безнадежно запомнить все, что имеется, и совершенно невозможно найти то, что в данный момент для данного дела нужно. Если материалов много и разнообразие их большое, потребовалось бы много часов, чтобы отыскать хотя бы какую-нибудь гайку определенного размера.

Богатейший склад этот окажется той сокровищницей, тем сказочным подземельем, ключ к которому утерян. И раскроется эта сокровищница лишь тогда, когда будет создан какой то путеводитель, который ясно укажет, где что находится, какие части для каких работ пригодны и т. д.

Каталоги, их
значение

Вот такими путеводителями, такими справочниками и являются библиотечные каталоги. Они должны вскрывать содержание всех книжных сокровищ и указывать, где что найти можно. Они должны вдохнуть живительную струю в собранный книжный материал, должны дать ход библиотечным „орудиям производства“, пустить их по разным направлениям и через всевозможные каналы. Каталоги—это тот опытный вожатый, который сразу же знакомит читателя со всеми богатствами библиотеки и сразу же должен отвечать на конкретные запросы и нужды, какие предъявляются разнообразными группами населения.

Какими должны быть библиотечные каталоги? Это зависит целиком от того, кого они должны обслуживать, а также и от тех требований, какие ставит библиотеке ее клиент. Поскольку же в разное время различные библиотеки имеют и совершенно различную клиентуру, постольку меняется и вид и содержание библиотечных каталогов.

Читатель
прежний

Если мы обратимся к сравнительно недавнему прошлому, то увидим, что во всех союзных наших академических и т. н.

публичных библиотеках еще 40 - 50 лет тому назад читателями являлись почти исключительно специалисты вопроса. Профессора и студенты, врачи и инженеры, адвокаты и литераторы, земцы и городские деятели,—вот кто пользовался научными отделами библиотек, вот кто являлся основной их клиентурой. Этим читателям нужны были либо определенные книги, о которых они знали, либо же литература какого-нибудь одного научного отдела—медицина ли, строительное ли искусство, математика или городское дело. Читателей было немного, и все они были приблизительно одного развития, одного типа. Науки не достигли еще тогда современного развития; они еще не были разветвлены на столько отдельных дисциплин, но и не были так тесно связаны между собой, как сейчас; они укладывались в несколько отделов, в границах коих и работал тот или другой клиент библиотеки.

Каталоги и соответствовали тогдашним потребностям: был, во-первых, алфавитный каталог всех авторов и, во-вторых, каталог книг, разбитых по целым отраслям знаний, по научным отделам. Каждый такой отдел внутри разбивался, в свою очередь, на несколько групп, под'отделов данной отрасли.

Работавший в области той или иной специальности—человек, обладавший навыками и методами научного изучения—знакомился с содержанием всего отдела данного каталога и отбирал то, что ему нужно было в данный момент для данной текущей работы: при

его общем уровне развития это нисколько не затрудняло.

Как мы видим, в то время постановка библиотечного дела, в том числе и каталогизация, удовлетворяла требованиям данной эпохи; библиотека обслуживала те группы, что тогда пользовались научной книгой.

За последние полвека наблюдаются знаменательные изменения и в отношении науки. Во всей Европе, а в Америке особенно, мы наблюдаем мощную волну популяризации знаний; наука все больше выходит из замкнутого круга и захватывает все более широкие массы населения. Интересуются научными сведениями не только специалисты вопроса, но и все те, кто до того пробавлялся лишь легким чтением. Произошел крупный сдвиг в сторону демократизации науки, которая все больше приближается к жизни, все теснее подходит к самым насущным вопросам повседневного обихода. Наука перестала быть монополией небольших квалифицированных групп и делается достоянием широчайших кругов трудящихся. Подойдя вплотную к потребностям и задачам дня и существенно служа этим потребностям, наука перестала быть „чистой“, но за то сделалась близкой, понятной и нужной новым миллионам читателей.

Успехи науки и колоссальные успехи в области научных открытий за истекшие десятилетия. Плодотворная исследовательская работа ряда ученых

привела в близкое соприкосновение многие дисциплины, до того стоявшие особняком; проведены крепкие нити между целым рядом наук, еще недавно считавшихся совершенно самостоятельными и независимыми. Научное познание значительно усложнилось благодаря этому переплетению отдельных отраслей.

Одновременно с этим — вполне естественно и понятно — наблюдается сейчас и резкая дифференциация, строгое разделение научного труда. Величественное здание единой науки строится по отдельным кирпичикам. Об'единение всех составных частей в стройное целое, научный синтез, является делом крупнейших представителей научной мысли. Рядовые же научные работники, а равно и практики, специализируются на каком либо отдельном вопросе, стремясь изучить и осветить его до возможных пределов, до дна. Вместо „безбрежной“ работы, какую вели ученые полвека тому назад, вместо своеобразного универсализма в данной обширной области, идет углубленная исследовательская проработка.

Если мы обратимся затем к условиям нашей действительности и посмотрим, как ширятся научные знания в советском союзе, то увидим здесь разительную картину, — абсолютно не похожую на все то, что было еще так недавно. Демократизация науки, спуск ее „с небес на землю“ происходит в невиданном до сего темпе и в размерах, совершенно исключительных. Наука должна служить жизни, должна быть

прикладной, практически полезной, должна помогать новому строительству,—иначе она никому не нужна: таков основной лозунг. Слияние науки и практики, их тесное взаимодействие, происходит на деле самым настойчивым образом и во всех инстанциях.

При нынешнем темпе жизни и при лихорадочном нашем строительстве, все крупные практические работники перегружены всевозможными обязанностями и работами: тут и разные докладные записки и непосредственное руководство делом, лекции и диспуты, с'езды и совещания. Приходится быстро переходить от одной работы к другой, приходится готовиться к ним на ходу, между делом. Работать надо не только по специальности, раз и надолго выбранной, но нередко и по самым разнообразным вопросам жизни; поэтому и нет возможности знать предмет глубоко, всесторонне.

Читатель С другой стороны, сотни и ты-
новый сячи низовых работников, еще вчера
стоявших у станка или ходивших за сохой, сегодня
выдвигаются на первую линию, принимают на
себя руководство той или иной ответственной—
государственной или общественной—работой. Для
того, чтобы эту работу проделать возможно
лучше, нужны элементарные знания, нужна опреде-
ленная осведомленность в данном конкретном вопросе.
И сотни тысяч представителей новой рабочей интел-
лигенции—все эти профессиональные, советские и
партийные работники, все рабфаковцы и вузовцы,

культкомы и завкомы, шефы и общественники — все они устремляются к книге. И им нужно сегодня же, на месте, вооружиться теми необходимыми знаниями, тем минимумом, без которого они уже завтра вести работу не могут. Им необходимо сейчас не общее развитие, не знания, вообще, их интересует не вся данная наука в целом: они ищут „скорой помощи“ по тому именно вопросу, о котором им придется завтра же говорить или решать; они нуждаются в конкретном ответе, в готовом выводе науки.

Но эти сотни и тысячи несут свои наспех сколоченные знания и дальше; они вовлекают во все вопросы текущей жизни миллионы людей. Всевозможные с'езды и совещания, митинги и собрания, выборы и кампании, — ведь все это повышает интерес к вопросам не только у руководителей, но и у рядовой массы. Всякая агитация, если она проводится умело и своевременно, не может и не должна пройти бесследно — она обязательно вызовет спрос на те или другие знания, на большую осведомленность в вопросе.

Роль библио-
теки

Всем этим читательским группам помощь оказывать должна библиотека.

Ей приходится обслуживать их не только подходящей книгой, но и самым подбором ее, советом, указаниями, руководством. Ведь библиотека — главный, а иногда и единственный посредник между широким читателем и книгой.

Правда, имеются библиотеки разных типов — от академической университетской до районной массовой. Но ведь разница в их работе количественная только, а не качественная; все дело в том, что они обслуживают разного читателя и, следовательно, имеют различный материал, различные „орудия производства“. Между тем, сущность работы и тут и там одна; ведь цели и задачи — все те же, лишь темп иной, иной масштаб.

Мы уже указывали, что лучшими путеводителями и вожатыми по библиотеке и ее сокровищам являются каталоги. От них, от их устройства и от их совершенства в значительной степени зависит работа библиотеки. Хорошие, удобные каталоги дадут возможность сразу удовлетворять различных читателей; неудобные — послужат большим тормазом для внутренней работы, для руководства чтением.

Какие же каталоги нужны нам сейчас — при нынешнем развитии знаний, при нынешнем массовом читателе и при тех громадной важности заданиях, какие современной библиотеке ставит сама жизнь? Какая сеть каталогов наилучше обслужит массового читателя и его запросы и позволит быстро и безошибочно помочь практической работе и профессора, и хозяйственника, и фабричной работницы и старого селянина?

Предварительно несколько слов о Карточн^{ые} кат^{алоги} внешней форме каталогов, — всяких каталогов, независимо от их назначения и внутреннего содержания. Условимся уже

сейчас, что каталог должен быть только подвижным, карточным, и каждая книга должна иметь свою отдельную карточку. Это совершенно необходимо уж для того, чтобы поддерживать постоянный порядок каталога, чтобы легко можно было найти нужную карточку (а, следовательно, и книгу!)—стоит ли она в алфавите авторов или как-нибудь иначе. Единственное возражение, какое приходится выслушивать изредка против карточного каталога, — это то, будто такая форма не пользуется симпатией читателей, будто они не любят карточек.

„Читатель, ищущий соответствующую его заданию книгу,—говорит К. Boysen⁸—хочет пробежать ряды заглавий. Карточный каталог этого не допускает, и уже установлено, что читатель для систематического каталога предпочитает книжную форму. При перебирании карточек теряется цельное впечатление“.

Отвод этот мы находим весьма слабым, и вот по каким соображениям. Раньше всего, вовсе не доказано, что, вообще, всякий читатель предпочитает всегда книжную форму каталога; факты из жизни отдельных библиотек говорят часто и иное. Более квалифицированный читатель, зная, что в карточках содержится также и вся новая литература, охотнее пользуется подвижным каталогом. Но если бы даже и допустить, что карточки не нравятся некоторым читателям, то и тогда вопрос стоит иначе. Надо постепенно приучать читателя к этим каталогам, если они действительно удобны. Мало ли что кому не

нравится сначала; но ведь мы постепенно приучаем к тому, что, в конечном счете, рационально и правильно?!

Впрочем, вопрос с читателем и его нынешними вкусами стоит вовсе не так остро сейчас. Надо ведь помнить об основном, совершенно обязательном для всех библиотечном законе: единственный экземпляр каталогов в пользование непосредственно читателю не дается—каталоги эти остаются для работы библиотеки. Широко понимаемые общественные интересы заставляют, скрепя сердце, лишать читателей доступа к этому библиотечному святилищу, без которого библиотека работать не может; наш читатель, в массе своей, еще не умеет бережно обращаться с подвижными каталогами. Конечно, всего правильнее — дублировать все виды карточных каталогов, и второй экземпляр предоставлять публике.

Однако, там, где это по материальным соображениям невозможно, следует из карточного каталога делать различные выписки для читателей на отдельных листках, можно оттуда же брать материал для стенных плакатов и всевозможных списков. Но совершенно обязательно, на наш взгляд, чтобы библиотека для своей основной внутренней работы имела систему подвижных, карточных каталогов: преимущество их столь очевидно для каждого практического работника, что приводить дальнейшие тому доказательства считаем излишним.

Итак, какие каталоги необходимы для работы и какие данные должны в них содержаться? На этот вопрос нетрудно будет ответить, если мы установим, чего мы ждем от каталогов и в каких случаях они должны помогать—не только читателю, но и самому библиотекарю?

Суммируя все запросы, какие встречаются в библиотечной практике, мы могли бы свести свои требования в отношении каталогов к следующему.

Задачи каталогов 1) Каталог должен сообщить, есть ли в библиотеке данная книга, автор и название коей читателю известны. Если она есть, то каков ее номер и где, следовательно, в книгохранилище она находится.

2) Каталог должен указать, какие общие сочинения в какой-нибудь обширной научной области имеются в библиотеке, а также номера этих книг.

3) Каталог должен немедленно ответить читателю, какие работы имеются по любому, самому мелкому вопросу, его заинтересовавшему. При этом необходимы сведения не только об отдельных книгах по этому вопросу, но и об отдельных главах в общих сочинениях, а также об отдельных статьях в новых и старых периодических изданиях.

4) Давая указания о литературе по определенному—даже самому мелкому—вопросу, каталог должен тут-же указывать основные черты той или другой работы: а) сколько в ней страниц; б) легко или трудно написана; в) основной подход или

направление; г) для какой категории читателя пригодна.

5) Каталог должен сказать, где можно найти справку о том или ином событии или лице, где искать статистический материал по тому или другому вопросу, где имеются портреты, снимки и пр. в связи с одним или другим историческим событием. Он должен давать исчерпывающий материал о данной местности, о данном городе, о данной стране.

6) Каталог должен—в отношении художественной литературы—указывать, какие сочинения касаются тех, других или третьих вопросов, что можно по этим вопросам прочитать.

7) Каталог должен помочь найти любую книгу, если читатель позабыл ее автора, но помнит лишь заглавие.

8) Каталог должен показать, что и в каком порядке следует брать начинающему читателю различного психического типа, разных возрастов и различного социального происхождения.

9) Каталог, по возможности, должен сообщать, где можно найти отзыв о той или другой книге.

10) Каталог, по возможности, указывает лучшие книги по любому—самому мелкому—вопросу, даже если их в данной библиотеке нет.

Таковы требования, какие современная библиотека вынуждена предъявлять к хорошо-разработанной и надлежаще-поставленной системе каталогов. Это—

своего рода программа-максимум, степень приближения к которой говорит о качествах тех или иных каталогов: чем более современные каталоги, чем ближе подходят они к нуждам современного массового читателя, тем более отвечают они требованиям этой обширной программы.

Разбирая эту программу, мы видим, что чисто-механических указаний требует от каталогов лишь один первый пункт: сообщить, есть ли названная книга в библиотеке и каков ее номер. Тут не требуется ни внутреннего знания книги ни знакомства с читателем—нужна лишь справка о номере. Очевидно, этому требованию вполне удовлетворяет алфавитный авторский каталог, который имеется почти во всех библиотеках и дает нужные справки. И обслуживает он, главным образом, читателя осведомленного, знающего или слышавшего о данной книге.

К механическим же функциям относится, пожалуй, и пункт седьмой—выдача сведений о книге, автор которой неизвестен. Библиотеки в своей практической работе нередко сталкиваются с такими случаями и оказываются в затруднении; особенно часто это бывает с пьесами и с художественными произведениями. Тут выход имеется в заглавном каталоге, где карточки по особому пишутся, а расставляются по алфавиту заглавий: насколько нам известно,

Алфавитно-
авторский
каталог

Заглавный
каталог

в библиотеках советского союза заглавных каталогов почти нет. Впрочем, заглавный каталог иногда соединяют с алфавитным авторским, создавая таким образом перекрестный каталог (о нем ниже).

Реальный ка-
талог

Все остальные требования, какие предъявляются к каталогам, относятся уже к внутреннему содержанию книги, к раскрытию этого содержания. Тут ни авторский ни заглавный каталог помочь не могут: тут нужен какой-то реальный каталог, в котором книги разбиты по вопросам, по темам.

II. СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КАТАЛОГ

В течение многих десятилетий все библиотеки—как западно-европейские, так и русские—пользовались для этого систематическими каталогами, которые распределяют книги на основании логической системы наук. Библиотечная систематика строится на основе научной классификации знаний и эту классификацию отражает. Хотя эти каталоги существуют еще и сейчас, но они вызывают все более серьезные и частые нарекания не только со стороны библиотекарей, но и всей читательской массы—от ученого профессора до начинающего рабочего и крестьянина. С каждым годом систематические каталоги все слабее удовлетворяют насущным требованиям жизни, все реже отвечают на конкретные запросы читателей, все меньше помогают библиотекарю в его библиографической работе. Поэтому-то статистические данные и показывают, что во всех культурных странах читатель все реже обращается к услугам этого каталога, предпочитая вести поиски литературы иными путями. „Ничто так не вредит самому значению библиотеки,—говорит один видный немецкий библиотекарь—как жалкое состояние систематического каталога, который все заинтересованные круги из года в год подвергают жесточайшей критике“.

Одни библиотечные работники, перед которыми стоят практические задачи эпохи, не могут сейчас—по материальным причинам—сломать всю систему работы: они вынуждены изыскивать те или иные пути, компромиссы, для того, чтобы как-нибудь помочь делу и хоть сколько-нибудь парализовать крупнейшие недостатки и ошибки систематического каталога. Другие же библиотекари, считая эти дефекты органическими и находя самый принцип библиотечной систематики неправильным, забраковали этот каталог вовсе и создали уже иной, на совершенно иных основаниях (Америка, Англия, Германия, Швейцария, Австрия и др.)

Первым пороком систематического каталога является то, что основание, на котором он построен, весьма непрочное, неустойчивое, подвергается постоянным изменениям. Это основание, этот фундамент—научная классификация знаний. Со времен Платона и Аристотеля—300 - 400 лет до Р. Х.—созданы были десятки научных схем, но до сих пор ни одна из них не пользуется общим признанием, ибо ни одна не может удовлетворить современным требованиям. Более того. Ведь и по сей день идут споры об основном, первоначальном подразделении науки, о принципах такого подразделения: и если нет полного единогласия в этом, тем более спорны вопросы о внутреннем дробном расчленении отдельных отраслей знаний, отдельных дисциплин.

Но ни одна научная классификация и не может пользоваться всеобщим признанием более или менее продолжительное время. Ведь наука делает с каждым десятилетием громадные завоевания; ведь достигаются успехи, которые очень часто „на-голову“ опрокидывают все прежние построения, заново перетасовывают и отдельные вопросы и целые области знаний. Наука не знает состояния покоя, она—всегда в движении, она динамична, она таит в себе много возможностей и постоянно сулит неожиданности: это ее отличительная черта, в этом кроется и интерес к ней, в этом ее притягательная сила. Существующие области знаний непрерывно меняют свое содержание, свой об'ем, и разбиваются на отдельные науки; одновременно с этим возникают и специальные дисциплины, черпающие материал из различных областей. Так происходит с физикой, с естествознанием, с философией и со многими другими науками. С другой стороны, отдельные отрасли знаний оказываются в тесных взаимоотношениях друг с другом, происходит своеобразный синтез: появляется физическая химия, математическая физика, философия природы, психо-физиология, биопсихология, философия революции и т. д. и т. д. По выражению немецкого ученого С. Stumpf'a, это сложное сплетение знаний напоминает систему волн (Wellensystem). Волны эти берут свое начало от самостоятельных пунктов, но в дальнейшем взаимно пересекаются; и области науки, казавшиеся

противоположными, обнаруживают те или другие точки соприкосновения.

Отражает ли, может ли отражать все это любая классификация наук? По самому своему существу громоздкая и консервативная, может ли она поспевать за наукой и жизнью, способна ли она угнаться за этим стремительным бегом?

Но ведь на основе философской классификации наук построена и библиографическая классификация, построен систематический каталог, этот главный нерв библиотеки? Может ли этот каталог отражать все многообразие научной мысли? Способен ли он регистрировать у себя не только перевороты в научных областях, но и крупные политические события? Способен ли он давать немедленный отзыв на громадные социальные сдвиги, за которыми следуют обыкновенно новые идеалы и идеология, новые понятия и мысли, новая ситуация и новые учреждения?

Мы имеем в виду здесь не только и не столько мировые, богатейшие, научные книгохранилища, но и средние библиотеки общественного пользования. Речь о любой библиотеке, ведущей образовательную работу, обслуживающей среднего читателя и имеющей несколько десятков тысяч книг; впрочем, не могут служить в данном случае исключением и библиотеки с меньшим книжным составом.

Так вот, систематические каталоги этих библиотек отражают ли все это? Ясно же, всякий библиотечный работник, кто пользовался систематическим

каталогом более или менее продолжительное время, ответит отрицательно. Конечно, каталог не способен отмечать у себя все эти изменения, не может их учитывать. Пусть глубоко продумана вся система каталога при ее зарождении, пусть основательно проработаны отдельные ее части, очень скоро вся эта стройность будет безжалостно нарушена. Появится вдруг „теория относительности“: куда ее отнести, к какому отделу математики? может быть к физике? а вдруг — к философии? А теорию Енчмена — к биологии или к философии? А библиопсихологию — к прикладной психологии или к книговедению? и т. д., и т. д.

Весь внутренний смысл систематического каталога в том, чтобы он даже в мелочах отражал современную классификацию наук; но ведь ясно, что он этого не достигает. „Прогрессирующий рост науки делает невозможным такое расположение систематического каталога — говорит известный библиотекарь G. Zedler²², — при котором все детали были бы правильно и ясно распределены“.

После тяжких колебаний библиотекарь выберет тот отдел, какой в данный момент показался ему наиболее подходящим. Но он вовсе не будет уверен в том, что это самый лучший выбор и что — когда понадобится эта книга — он сразу вспомнит, куда он ее ткнул. Более того: нет никакой гарантии в том, что книгу по этому самому вопросу он же в следующий раз не определит в другой отдел, имеющий

такие же „права“, как первый. Сплошь и рядом, одинаковые по содержанию книги попадают в различные разделы; автор, писавший по разным вопросам, идет совершенно случайно по одной, а не другой линии и т. д. И не правы ли те, кто сравнивает систематический каталог с общей могилой, где книжные трупы лежат так, что и найти их невозможно?

Мы старались показать, что самая идея систематического каталога в данных условиях времени и места нецелесообразна, поскольку каталог должен помогать в ежедневной практической работе и отражать живую — иногда бурную и кипучую — жизнь. Систематика, по самому своему существу, рассчитана на очень длительный срок, она малоподвижна; между тем, каталог должен обладать максимальной гибкостью, должен быстро и точно регистрировать материал и так же быстро отыскивать его при нужде. „Всем переворотам в области умственной и политической — говорит Hans Schleimer¹⁸ — наши системы каталогов противостоят, как неподвижные, неорганические, мертвые формы, не могущие им соответствовать. Поэтому каждая библиотечная система имеет непродолжительный период жизни; она часто оказывается устарелой прежде, чем вберет в себя все наличные в большой библиотеке книги“.

Считаем нужным оговориться, чтобы не быть плохо понятыми. Мы отнюдь не отрицаем ценности научной классификации знаний. Мы прекрасно понимаем всю важность такой систематики и вполне соглашаемся

с В. Sayers'ом, который в классификации видит нанесение на карту всех наших знаний. В интересах науки, философская классификация — дело очень нужное и ответственное. Классификация есть не простая техника, а громадное искусство—в этом мы готовы поддержать и поклонника десятичной библиотечной классификации Н. Н. Аблова.

Но, признавая все это, мы, вместе с тем, разграничиваем сферу влияния научных институтов и библиотеки. Философская классификация наук живет и будет развиваться; мы уверены, однако, что отнюдь не библиотечному каталогу ее создавать и изменять. Библиотека должна предоставлять материалы по всем вопросам, а уже дело самой науки разбираться во всем, строить и перестраивать. Всякие классификационные изменения являются результатом длительной научной работы, исследований, диспутирования. Хорошо работающая библиотека — в лице своего каталога — должна содействовать всей этой научной работе, давая для нее литературно-научный материал; следовательно, этот материал ей нужно иметь на учете вне всяких классификационных споров и даже до их очередной постановки.

Таково основное возражение против систематического каталога — возражение принципиального характера. Перейдем теперь к живой практике библиотечной работы и посмотрим, в какой мере этот каталог справляется сейчас с конкретными запросами и требованиями современного читателя.

Целевое
чтение

Мы имеем в виду широкого читателя, по преимуществу: ведь сейчас всего больше работает над книгой именно массовик. Это — новая трудовая интеллигенция, которая учится работая и работает учась. У нее нет ни времени ни возможности ни даже усидчивости, чтобы прорабатывать всякую дисциплину медленно, планомерно, методично и глубоко — она налету работает, быстро проглатывает пищу и тотчас же, завтра, должна ею практически воспользоваться. Этому читателю нужна максимальная конкретизация; нужно большое расчленение материала, дабы он мог получить только то, что ему сейчас требуется и что он может осилить в данных условиях жизни и труда. Прибавим еще, что этот мало-искушенный читатель требует доступный его пониманию материал — по текущим вопросам дня, главным образом: накопление знаний у него сейчас теснейшим образом связано лишь с конкретной обстановкой его повседневной работы.

Научная
работа

Но и другой, более квалифицированный читатель, старый читатель, — и тот не станет сейчас работать над книгой по-прежнему, — медленно и с „большим обхватом“. Вся обстановка нашей жизни резко изменилась. Так собрана и, по сравнению с недавним прошлым, так по-иному организована наша психика сейчас, что почти никогда нет и охоты читать вне конкретного задания, вне текущих интересов; впрочем,

не бывает к тому и фактической возможности. Если мы присмотримся к работе нынешнего профессора— поскольку он не ушел совершенно от жизни, не замкнулся в тесные стены своего кабинета, — мы и тут заметим значительные перемены. Самая манера работы уже не та, нет прежней медлительности и разбросанности,—элемент организации и плана проник и в эту область труда. Научный работник всякий раз фиксирует свое внимание на каком-нибудь одном, конкретном вопросе в данной области и нуждается в исчерпывающем литературном материале.

Но это явление наблюдается не только у нас. Один из ответственных работников громадной венской библиотеки, Franz Koch ²⁰, заявляет: он убедился в том, что и при научной работе — а Национальная Библиотека в Вене служит, главным образом, подспорьем для научных работ—значительно чаще обращаются к библиотекарю с вопросом о литературе по отдельным деталям, чем о целой научной области.

Все живое—вольно иль невольно—заражено сейчас динамичностью, которая, конечно же, отражается непосредственно и на всяком читателе, а, следовательно, и на самой библиотеке. Так вот, этого нового читателя, начинающего и квалифицированного, может ли полно и быстро обслуживать систематический каталог? Дает ли он немедленную и исчерпывающую справку по самому детальному вопросу? В состоянии ли он указывать новейшую литературу

по только что возникшей проблеме? Разбирается ли он в достоинствах всей литературы? Может ли он определить ее пригодность для конкретных задач, стоящих перед данным работником? Наконец, вполне ли доступен и удобен ли для работы этот каталог рядовому библиотекарю и массовому читателю, отнюдь не искушенным в классификации наук и не разбирающимся во взаимоотношениях отдельных дисциплин?

Повседневная библиотечная практика дает на все эти вопросы отрицательный ответ. По словам Schleimer'a¹⁸, должно было пройти почти сто лет после поднятой М. Schrettinger'ом¹⁹ борьбы с библиотечной систематикой, чтобы немецкие библиотекари снова высказались против систематического каталога и об'явили его нецелесообразным и непригодным к употреблению.

Десятичная
система

Еще несколько слов об одном из видов систематического каталога — о десятичной системе, особенно популярной у нас благодаря ее обязательности для всех библиотек Союза.

Раньше всего, следует разрушить легенду о международности ее, об „интернационале библиографии“, о том, будто она во всем мире принята и проводится. Десятичная система Мельвиля Дьюи (Melvil Dewey—1876) переработана — с участием ее автора — Международным Библиографическим Институтом в Брюсселе (1905); она, действительно, на одном из

с'ездов рекомендована в качестве хорошей системы. Однако, одобрение Международного Института еще самое систему не делает ни международной ни общепринятой. С системой МБИ успешно конкурирует оригинал — система М. Дьюи, очень распространенная в Америке; но и там же, кроме десятичной, в ходу и системы Дж. Броуна (James Duff Brown — 1906), Ч. Кеттера (C. Cutter — 1891) и др. Между прочим, одна из величайших в мире библиотек — Конгресса в Вашингтоне — поставлена по системе, заимствованной у Кеттера. Такие солидные учреждения, как Международное Бюро по изданию каталога точных наук и Международный Институт социальной и технической библиографии не приняли десятичной системы для своих изданий, хотя эти учреждения возникли значительно позже, чем МБИ выпустил свою систему... В ряде западно-европейских стран (Германия, Италия, Австрия, Англия, отчасти Франция и др.) десятичная система вовсе не введена; в других странах — она лишь одна из конкурирующих. В советском Союзе ни одна из крупных библиотек не перешла на эту систему; вновь учреждаемая большая библиотека Коммунистической Академии в Москве поставлена по образцу библиотеки Вашингтонского Конгресса. Впрочем, один опыт был сделан и у нас — библиотека Политехнического Института, в Ленинграде, применила к своему каталогу систему МБИ; однако, опыт этот, по словам Н. Н. Аблова, привел к разочарованию в системе.

В нашу задачу не входит сейчас подробный разбор и сравнительная оценка всех библиографических классификаций, равно как мы не предполагаем заниматься изучением философии вопроса, теоретических систем. Автор одной из лучших на русском языке работ по этому вопросу „Обзор главнейших систем классификации наук“ — Б. П. Гущин насчитывает свыше 20 философских (теоретических) систем, а в другой русской классификационной работе еще до того дается изложение целых 33 библиографических (практических) систем.

Конечно, не все последнее есть самое лучшее; но предположим, что в данном случае оно именно так. Поверим поклонникам десятичной системы на слово и допустим, что она вобрала в себя все преимущества своих предшественников и является одной из самых удачных. Действительно, идея цифрового обозначения классов, отделов, групп и т. д. — остроумна и представляет несомненные удобства. Но ведь и эту систему постигла роковая судьба всех классификационных систем: с развитием науки и она очерствела, отстала от века, становится безжизненной. Целому ряду дисциплин тесно в рамках установленных группировок, ибо они их переросли; существующие подразделения во многом уже не соответствуют современному состоянию науки. Не углубляясь здесь в подробную критику десятичной системы — будь то „чистый“ Мельвиль Дьюи или переработанный — Международного Библиографического

Института, — надо признать, что для практических задач современной библиотеки и эта система не лучше всех остальных. То, что сказано было выше обо всех систематических каталогах, в полной мере касается и десятичной системы: и она не в состоянии широко, быстро и правильно обслуживать современные библиотеки и современного читателя.

Этого не могут не признавать все практические работники, которым на деле приходится ежечасно испытывать всевозможные затруднения. Достаточно понаблюдать за рядовыми библиотекарями, когда им нужно зашифровать книгу, найти ей соответствующее место, — сколько голов, столько и умов: и почти каждый библиотекарь шифрует по-своему. Но совсем тяжело положение библиотекаря, которому приходится зашифровать книгу по новому вопросу, вовсе еще не обозначенному в его таблицах: тут уж совершенно „свободное творчество“. Правда, выход из положения и здесь найден, но, на наш взгляд, он практически неприемлем. Запрошенный об этом на первом всероссийском библиографическом съезде (декабрь 1924 г.), проф. Б. С. Боднарский — этот апостол системы Международного Библиографического Института — дал такой простой совет: в соответствующем месте системы поставить новый знак и тотчас же телеграфно известить об этом Институт в Брюсселе для включения этого нового знака в общий Manuel...

Не лучше обстоит дело и тогда, когда рядовому работнику средней библиотеки надо найти соответствующую книгу для соответствующего читателя. Как это сделать при десятичной системе, если шифр не очень длинный (длинный — тоже худо!), если работы много и если нельзя по полчаса или более посвящать каждому отдельному читателю?.. Как обслуживать тогда массу читателей, которым материал — по частному вопросу — нужен тут же, на месте, немедленно?..

Нельзя пройти здесь также и мимо того приема, какой встретила десятичная система на упомянутом уже нами всероссийском библиографическом съезде в Москве (декабрь 1924 г.). Доклад о ней проф. Б. С. Боднарского вызвал страстные дебаты в течение многих часов, но безусловных защитников десятичного принципа не было. Ряд крупнейших в Союзе теоретиков и практиков, библиографов и библиотекарей — с разных сторон, но единодушно — опорочили эту систему — душительницу, которая, по словам одного из выступавших, „на 50 лет вперед запутала наши библиотеки“. В результате, после упорного „согласования“ в комиссии, съездом вынесена была резолюция о том, что десятичная система неудовлетворительна и что необходимо создать авторитетный орган, который занялся бы вопросом о новой библиографической системе. В этой же резолюции содержится обращение к правительственным органам — отменить обязательность десятичной

системы для библиотек. Характерно еще и следующее. Когда эта самая резолюция была оглашена затем на первой всероссийской конференции научных библиотечарей, состоявшейся в Москве тотчас же вслед за библиографическим с'ездом, она принята была конференцией единогласно и покрыта апплодисментами: библиотекари облегченно вздохнули в надежде на освобождение от десятичных когтей.

Хорошую отповедь десятичной классификации дает и В. А. Невский⁴. Он красноречиво показывает вопиющие дефекты ее на конкретных примерах и настаивает на предметном каталоге, как на единственно-рациональном.

Впрочем, недостатки десятичной системы отмечаются и некоторыми децималистами. Один из них признает, между прочим, что „система М. Б. И., в сущности, до сих пор является больше библиографической, чем библиотечной; она еще ждет своего приспособления к библиотекам“.

Крайне любопытно, что даже такая поборница десятичной системы, как Л. Б. Хавкина, которая фактически ввела ее в России,—даже и она сейчас встала на несколько иную позицию. Вот что она говорит о систематическом каталоге:

— „Третий вопрос, когда читатель отдает себе отчет, чего он хочет, но не знает, какие книги об этом говорят,—является самым распространенным. У нас для ответа на него прибегают к систематическому каталогу, но далеко не всегда этот каталог

дает ответ сразу. Читатель хочет, положим, прочесть что-нибудь о кометах и, чтобы подобрать книгу на эту тему, должен пересмотреть ряд ненужных ему названий на другие темы в отделе „астрономия“, затрачивая лишнее время на ненужный ему просмотр. Но хорошо еще, если он знает, к какому отделу относится его тема, а может и не знать“... „Или догадается ли он, непосвященный в тонкости десятичной классификации, что книги о городах-садах, о шахматах и о катаньи на коньках находятся в отделе „искусство“, а о борьбе с пьянством—в отделе „этика“? Чтобы ближе подвести читателя к теме, у нас стали детализировать систематический каталог, раздроблять на множество рубрик с длинными и сложными обозначениями. Но и это не всегда помогает, а затруднений вызывает много“... „И можно без преувеличения сказать: чем сложнее сделался систематический каталог, тем труднее стало читателю массовой библиотеки в нем разбираться“. Так говорит и Л. Б. Хавкина⁵.

Сильно разветвленная классификационная система чрезвычайно затрудняет всякую практическую работу: совершенно невозможно находить книжный материал быстро и безошибочно, когда та или другая система занимает 300—500 печатных страниц, а то и больше. К тому же самая-то система доступна только немногим посвященным; простые же смертные—будь то библиотекари или читатели—пользоваться ею не в состоянии.

Указатель к систематическому каталогу

Все эти факты жизни поставили перед практиками ребром вопрос об указателе к систематическому каталогу; слова в этом указателе, расчлененные по предметам, должны расставляться в алфавите. Поклонники систематического принципа отводят этому указателю, конечно же, подсобную, служебную роль: это, мол, механическое дополнение к каталогу, это — техническая деталь. „Необходимые для каждой библиотеки указатели — предупреждает Н. Н. Аблов — есть лишь помощь, а не средство для классификации. Книги классифицируются по общим таблицам системы, с ясным пониманием того, под какую рубрику книга подводится. Классификация по указателю повела бы ко многим недоразумениям“. Это совершенно правильно.

Но эта техническая деталь — алфавитным указателем именуемая — и выявляет всю непригодность и никчемность систематического каталога; она — то очень наглядно и показывает недостатки, органические пороки всякой дробной систематики в каталогах, вообще. Что мы видим в действительности? Пока не было алфавитного указателя, систематическим каталогом еще нельзя было пользоваться; как только появляется такой указатель, к систематическому каталогу уже нет надобности прибегать, он никого не интересует и почти никому не нужен.

Шифровка
книг

Стоит присмотреться к практике работы в любых библиотеках—крупных и мелких, академических и общеобразовательных,—чтобы убедиться в справедливости сказанного.

Средний советский библиотекарь, в большинстве, пользуется при шифровке только алфавитным указателем и очень раздражен, когда указатель не полон, и он вынужден углубляться в самый текст таблиц; при отыскании нужных книг, и читатель и библиотекарь обращаются исключительно к алфавитному указателю.

Конечно уже, это нехорошо вредно, даже предосудительно,—точно так же, как нехорошо и вредно было в недавнее время готовить уроки по-латыни с помощью „подстрочника“ или „решать“ алгебраические задачи, имея перед собою знаменитые „ключи“ (сборники готовых решений).

Оно очень нехорошо, но что же поделаешь, когда латынь-то нелепая, а задачи—путанные, непонятные, сложные? Пойдешь по линии наименьшего сопротивления: не заботаешь о сути дела, о последствиях, примешь меры, чтобы как-нибудь „сделать“ на завтра уроки: а услужливые издатели приготовят и подстрочники, и конспекты и ключи. Между прочим, такие подстрочники к десятичной классификации появились и у нас и пользуются определенным успехом: не тратится ни бумаги ни времени на

печатание самих таблиц, а начинают прямо с конца, с главного, с алфавитного указателя *.

Следует отметить также и то, что сам М. Дьюи первое издание своих таблиц (1876 г.) сопровождал алфавитным указателем: неизвестно только, какую роль этот указатель играл при таблицах,—служебную или главную, был ли он для библиотекарей в помощь или в качестве основы.

Мы видим, таким образом, что алфавитный указатель при систематическом каталоге занял не то место, какое ему вначале предназначалось; он из подсобного, из технического орудия превратился в главное. Но, в таком случае, какова же роль тогда самого систематического каталога, какое место занимает он в работе библиотекаря и читателя?

—„Именно это положение алфавитного указателя—говорит Hans Schleimer¹⁸—правильно определяет достоинства предметно-алфавитного принципа каталогизирования и недостатки систематического. Если указатель все, что требуется, выполняет, то система понижается до роли второстепенной; она представляет собою—при шифровке или отыскивании нужной литературы—только излишний и отнимающий время окольный путь“. Конечно, вся система теряет тогда свой смысл для каталога, а шифр служит лишь

* Торопов А. Д.—Алфавитный указатель (индекс) общепотребительных делений международной десятичной системы классификации. Предисл. и объяснение десят. классификации Р. Л. Гольдарбейтера, изд. П. П. Сойкина, П., 1923 (есть и др. издания подобного типа).

для механического отыскания книги на полке: ведь самый указатель превращается тогда в систему. Положение систематического каталога становится все более трудным. Хотя редко, но кое-где его еще можно найти, однако, по словам цюрихского библиотекаря Н. Escher'a ¹¹, новые систематические каталоги уже не составляются.

Отметим—в интересах полноты—еще одну попытку как-нибудь поддержать систематический каталог с помощью „костылей“. В только что вышедшей очередной книжке журнала „Zentralblatt für Bibliothekswesen“ (июнь 1925 г.) помещена статья голландского библиотекаря А. Lysen (Гаага) „Улучшенный указатель к систематическому каталогу“. *) Автор этой статьи, библиотекарь т. н. „Дворца Мира“, в Гааге рассказывает, как он вышел из затруднительного положения. Библиотека стала создавать предметный каталог параллельно с систематическим; но так как на это не хватило ни средств ни сил, они остановились на пол дороге: был создан „улучшенный указатель“ названный ими „Repertorium“. Поскольку можно судить по указанной статье, получилось значительно ухудшенное издание предметного каталога, какая-то помесь французского с нижегородским, какой-то ублюдок. Впрочем, оно совершенно естественно: предметный каталог нельзя строить как техническое дополнение к систематическому — он создается самостоятельно и своими путями.

*) „Ein „verbesserter Index“ zum Systematischen Katalog“.

III. ПРЕДМЕТНЫЙ КАТАЛОГ

На смену отживающей систематике идет предметно-алфавитное обозначение книг; Class-каталог заменяется Sach-каталогом. Пытаясь спасти позиции, защитники систематического принципа утверждают, будто спор идет впустую, ибо алфавитный указатель к каталогу яко бы и есть тот новый предметный каталог, о котором речь сейчас повсюду. Но это неверно и глубоко неправильно. Начать хотя бы с того, что систематический каталог почти нигде не разрабатывается до дна, с максимальными дроблениями и подразделениями: такой возможности не имеет ни одна наша крупная библиотека, а о мелких и говорить не приходится. Но если бы даже представить себе идеально-разработанную десятичную классификацию с длиннейшими шифрами, то и ее алфавитный указатель отнюдь не будет предметным каталогом: ведь по-иному разрабатывается последний, совершенно другой принцип кладется при его составлении. Разное происхождение и разные цели придают алфавитному указателю и предметному каталогу и совершенно различный характер. Между одним и другим, употребляя резкое сравнение, приблизительно такое же сходство, как между грубой олеографией и хорошей картиной, как между

горящей лучинкой и электрическим светом,—сходство чисто-внешнее. По существу же, по содержанию, разница между ними так велика, что знак равенства ставить тут никак невозможно. Самый лучший указатель далеко не заменяет собой предметного каталога. Последний не только значительно обширнее, но и непосредственно ведет читателя к самому источнику сведений, в то время как указатель—в лучшем случае—сообщает, где эти сведения можно найти. Алфавитный указатель помогает хоть несколько разобраться в систематике; предметный каталог сразу же ведет читателя к книгам.

В силу своих неоспоримых преимуществ, предметный каталог занимает все более значительное место в жизни библиотек и, несомненно, только за ним все будущее. Опыт библиотек, поставивших у себя предметный каталог, говорит, что он целиком вытесняет систематику: по свидетельству Hans Schleimer'a¹⁸, там, где имеются оба каталога, все обращается исключительно к услугам предметного. Такова практика Вены и Цюриха, Висбадена и Лейпцига и мн. др.; об этом же красноречиво свидетельствует и четырехлетняя работа предметного каталога Харьковской Центр. Государственной Библиотеки им. В. Г. Короленко.

Достоинно внимания, что идея предметного каталога зародилась и в максимальной степени осуществляется как раз на родине систематических классификаций (и Ч. Кеттера и М. Дьюи)—в Америке.

Практичные американцы, убедившись в высоких качествах этого каталога, широко ввели его в употребление; и именно в Америке изданы таблицы предметных рубрик—и для больших и для малых библиотек. Характерный факт из американской практики оглашен на первом всероссийском библиографическом съезде. После введения в одной из крупнейших библиотек нового предметного каталога, к старым систематическим за весь год было всего три обращения,—так говорит статистика заведующих каталожными комнатами...

В городской библиотеке Цюриха и в одной из лейпцигских библиотек поставлен только один реальный каталог и именно предметный: по свидетельству тамошних библиотекарей, решительно никаких затруднений при этом не встречается.

Считаем справедливым отметить, в заключение, что среди некоторых немецких библиотечных деятелей (Boysen⁸, Zedler²²) существует и такое мнение. Предметный каталог совершенно необходим для читателей; но и систематический—будет не бесполезен библиотекарю в его работе: при планомерном пополнении большой библиотеки он дает как бы связный обзор литературы в данной обширной области. Идеалом было бы, по мнению К. Boysen'a, если бы каждая библиотека имела эти оба каталога.

Но—справедливо возражает на это Hans Schleimer¹⁸—роскошь иметь двойной реальный каталог

долго не сможет себе позволить ни одна библиотека Германии или Австрии, принимая во внимание чрезвычайную затрату времени, работы и материала при господствующей экономической нужде. С своей стороны, мы можем смело сказать, что сейчас, в данную полосу жизни, ни одна большая библиотека также и нашего Союза и мечтать не может о двух реальных каталогов одновременно: библиотеки наши были бы вполне удовлетворены, если бы представилась возможность хорошо и правильно поставить хотя бы один реальный каталог.

Ясно, что вопрос стоит так: либо—либо. Надо решить в самом близком будущем, на чем остановить выбор: и ли систематический и ли предметный каталог—третьего выхода нет. При такой постановке вопроса мы целиком и безоговорочно высказываемся за алфавитно-предметный каталог, основываясь при этом и на своем личном продолжительном опыте и на опыте ряда западно-европейских и американских библиотек.

Расстановка
книг

Тут со стороны децималистов раздается еще одно возражение—по их мнению, достаточно серьезное и веское. Если отказаться от систематического каталога, как же будет с шифром и с расстановкой книг на полках? Ведь все отделы, все группы, все вопросы попутаются? Ведь нельзя тогда вести научную работу, невозможно будет обзирать на месте всю литературу вопроса?

Предметному каталогу, конечно, не нужны систематические шифры, хоть они ему и не мешают: шифры будут тогда лишь указателями места книги на полках. Однако, само собою разумеется, что при отказе от систематического каталога и переходе к алфавитно-предметному, не приходится сохранять и шифровку: „падение“ систематической каталогизации неизбежно повлечет за собой и падение систематической расстановки. Но для чего, кому и в каких случаях нужна такая расстановка? во имя чего сохранять ее? зачем защищать?

Руководитель-
ство чтением
с полок

Поклонники систематической — в частности, десятичной — расстановки книг видят в ней чуть не главное орудие руководства чтением. Эта расстановка помогает библиотекарю выбирать подходящую книгу для малоподготовленного читателя и, с другой стороны, значительно облегчает исследовательскую работу научного работника. Мы лично долго и настойчиво ведем борьбу против якобы „руководительской“ работы прямо с полок и считаем такую работу — кустарничеством самого невысокого качества. Если этот метод библиотечной работы терпим был в маленьких пришкольных библиотечках, то он совершенно недопустим сейчас, в библиотеках хотя бы районных, — не говоря уже об окружных, губернских и центральных. „Руководить“ с полок — фактически на деле, значит — совать первые попавшиеся книги, чтобы тем самым как

нибудь отвязаться от назойливого читателя. Осмысленно, последовательно, продуманно вести читателя—невозможно таким путем: ведь наиболее ценных книг, обыкновенно, на полках даже и не бывает—они всегда на руках. Далее, при нашей чрезвычайной бедности в квалифицированных библиотекарях, в массовой библиотеке может быть—в самом лучшем случае—один хорошо подготовленный библиотекарь: впрочем, сейчас очень часто только один квалифицированный работник и обслуживает все учреждение. Можно ли согласиться с тем, чтобы именно этот работник по каждому отдельному случаю обращался непосредственно к полкам, тут же, на месте отыскивая „подходящую“ для данного читателя литературу? Какова будет тогда продуктивность этого библиотекаря и в какой мере он в состоянии будет обслуживать и всех читателей и многообразные нужды самой библиотеки?

Механическая
подача книг

Руководительство чтением, по нашему убеждению, должно быть категорически отделено от момента выдачи книг с полки. Руководительством пусть занимается квалифицированный работник, пользуясь для этого хорошо и подробно разработанной сетью каталогов и подсобных указателей; центр работы в этом смысле необходимо перенести не на самую книгу, а на ее карточки, на краткие к ней аннотации и пр. Выдача же книг должна производиться механически, по готовым номерам, и эту работу несет технический сотрудник.

Научная ра-
бота

Теперь несколько слов еще об интересах научных работников. Быть может, этой категории читателей и удобнее, когда все книги по какому-нибудь определенному вопросу стоят в одном месте. Но ведь все равно исчерпывающей литературы в этом случае дать невозможно: статьи из журналов и сборников будут разбросаны по многим отделам. Далее, если бы дело шло об одном-двух десятках высококвалифицированных ученых,—их, пожалуй, можно было бы допускать и к работе возле самых полок, у соответствующего шифра. Но речь ведь не о таком читателе и не о строго-академической, специально-научной библиотеке; массового же читателя научной книги—студента, врача, аспиранта, молодого профессора—непосредственно к полкам современной библиотеки пускать нельзя. Да оно и ненужно: о необходимости познакомиться с той или другой книгой всякий должен узнавать и узнает разными другими путями — из библиографических указателей, из лекций, из ссылок в других книгах. В самой же библиотеке к услугам занимающегося должны быть подробные каталоги и справочники—там он и получает первые сведения о той или другой книге.

Впрочем, есть сомнения даже относительно того, что удобнее научному работнику: просматривать оглавления книг по предметным карточкам или по книгам непосредственно. Многие считают, что

предварительные поиски материала быстрее производятся по карточкам, если таковые составляются достаточно подробно и полно.

Доступ
к полкам

Надо указать, наконец, еще на одно заблуждение, проникшее к нам из-за океана и прочно укрепившееся в сознании нынешнего массового библиотекаря: мы имеем в виду самостоятельный выбор читателем книг с полки. Многие полагают, будто этот прием приближает читателя к книге, будто он вербует новых любителей чтения; наши наблюдения говорят, однако, обратное.

Мы утверждаем, что выбор массовым читателем книг с полки ведет к верхоглядству и основан исключительно на случайности — тут ни порядка ни системы быть не может. В наших конкретных условиях и при нашем читателе, библиографически очень мало осведомленном, этот прием приносит не пользу, а, в большинстве случаев, вред. Непосредственно к полкам читателя допускать не следует: к его услугам и каталоги и личная помощь библиотекаря. Это, однако, не исключает другого приема, несомненно полезного: для начинающего, нового читателя библиотекарь отбирает 10—20 вполне надежных, интересных, захватывающих книжек и держит их на видном месте, в качестве „удочки“. Но это — для определенной категории читателей, на очень ограниченный срок и исключительно в целях агитационных.

Итак, мы не видим серьезных оснований к сохранению систематического расположения книг. Нас интересует лишь возможно более простая и примитивная расстановка, при которой всякий технический работник может с минимальной затратой времени поставить принесенную книгу и так же быстро найти требующуюся. Такой системой бесспорно является механическая, где книги стоят по текущим номерам, в хронологическом порядке. Правда, в этом случае имеется весьма большое неудобство—одни и те же названия, попавшие в библиотеку в разное время, стоят на полках в различном месте, разрозненно. Чтобы избежать этого, мы ввели в свое время поправку к механической расстановке: книги стоят не в алфавите авторов, но весь автор всегда находится вместе. Прием этот проверен на практике в одной из библиотек и, на наш взгляд, оправдывает себя вполне. Мы здесь не станем говорить об этом подробно, ибо сделали это в другом месте еще в 1918 года*. Напомним лишь, что и первый всероссийский съезд по библиотечному делу (1911 г.) признал наиболее рациональной механическую расстановку книг для библиотек всех типов. Западно-европейская практика тоже очень показательна в этом смысле: так, все австрийские библиотеки лишь недавно признали нецелесообразность систематической расстановки и от нее все перешли к

* см. Борович.— Организация и ведение небольших библиотек. Изд. „Труд“, X., 1918 г., стр. 96.

бессистемной. Горячими защитниками механической расстановки книг являются, между прочим, и Georg Leyh¹⁴ и Hans Schleimer¹⁸.

Статистика
библиотечная

Еще одно возражение. При механической расстановке книг и, следовательно, при инвентарных номерах на корешке переплета, как библиотека будет вести статистику выдачи книг по отделам? Мы и здесь не видим никаких затруднений. Статистический подсчет можно вести двумя путями: разбивши все книги на несколько отделов—хотя бы даже и на десять,—эти деления мы заносим на формулярные карточки книг (называются они также статистическими) и отсюда получаем нужный нам ежедневный материал. Можно также и данную цифру поставить на корешке, под инвентарным номером, или же на внутренней стороне переплетной крышки; цифра эта попадает в абонементный листок читателя, а оттуда в статистический листок.

Кратко разобравши большинство возражений, какие раздаются против предметной каталогизации, мы видим, таким образом, что они не существенны и ни в какой мере не укрепляют „бедственного“ положения систематического принципа,—в частности, десятичного. Нам остается перейти от прошлого к будущему и заняться вплотную предметным

каталогом по существу; однако, до того — еще одно замечание по адресу нынешних библиотек и их систематических каталогов.

Многие библиотекари согласны бы
Переход с необходимостью замены система-
к предметному; тики алфавитно-предметным принци-
методы пом, но их чрезвычайно тревожат
и пугают ближайшие перспективы. Как же так?
Сломать сразу всю систему, весь привычный порядок учреждения, весь строй его? Разрушить то, над чем так долго, так упорно и так тяжело приходилось работать? Как же, с какими силами, на какие средства создавать грандиозное новое? Ну, а пока создашь,—работать то как? Иль закрывать библиотеку на неопределенное время, пока не будет переведено все на новые рельсы? Приостановить всю культурную работу?

Нам приходилось выслушивать все эти опасения, и потому мы считаем нужным уже сейчас на них реагировать. Никто не предлагает что бы то ни было разрушать или уничтожать; этого не только не следует делать, но этого делать нельзя, — то было бы вандализмом. Все библиотеки, которые сочли бы нужным создавать у себя предметный каталог, ни на один день не должны прекращать свою текущую работу, не могут, не вправе приостанавливать ее: библиотека играет сейчас в нашем Союзе столь выдающуюся роль, она заняла у нас такое место, что остановить ее работу значило бы

остановить всю нашу культурную жизнь, значило бы совершить большое преступление.

Но—спросят нас—как же фактически проводить новую работу? Как с наличными силами приступить к созданию предметного каталога? С чего начинать и как вести это дело? В последующих главах мы попытаемся проследить все этапы этой работы—так, как она проводилась нами, в определенной конкретной обстановке. Давая последовательно картину развития предметного каталога Харьковской Государственной Библиотеки имени В. Г. Короленко, мы будем останавливаться на отдельных деталях и принципиальных положениях, на затруднениях и спорных вопросах, какие у нас возникали в процессе работы. Дело это новое, и потому приходилось нередко пробовать, примерять, экспериментировать. Мы отнюдь не претендуем на то, что наши решения в каждом отдельном случае были единственно-целесообразными, единственно-правильными; мы и сейчас продолжаем все время вносить те или другие изменения, какие подсказываются практикой нашей повседневной библиотечной работы. Методика и техника предметного каталога для библиотек нашего Союза будет вырабатываться постепенно, на основе живой работы и коллективного опыта ряда библиотек. Стремясь содействовать созданию такой методики, мы не считаем возможным ограничиваться одними рецептурными указаниями: делали, мол, так-то, поступали вот таким то образом. Интересы дела

побуждают нас приводить каждый раз те соображения, в силу которых мы останавливались на одних, а не других решениях, выбирали тот, а не другой путь. Оно нужно еще и потому, что мы приступили к новому делу первыми, не имея перед собою ничего опыта, никаких конкретных указаний практики. Лишь сейчас, на пятом году работы, нам удалось ознакомиться с западно-европейской литературой по этому вопросу и установить, что почти все затруднения, пред которыми стояли мы, испытывали также и наши западно-европейские коллеги. Но мы одновременно и снова убедились, что строить всю работу нужно только на основе трезвого учета конкретных условий: слепо подражать готовым западным образцам нельзя, ибо это значило бы обрекать все дело на неудачу. Оно вредно сейчас еще и потому, что не позволило бы накапливать оригинальный практический материал; а без достаточного материала невозможно ведь разрабатывать методику, нельзя установить наиболее рациональные методы, приемы, правила работы. Эти правила и приемы необходимы, однако, массовым библиотекарям, которые и не могут и не должны заниматься экспериментами.

IV. СУЩНОСТЬ ПРЕДМЕТНОГО КАТАЛОГА

Но в чем основная сущность предметного каталога, в чем главное преимущество его перед всеми другими видами реального каталога? Какие качества привели к победе его над систематикой, склонили перед ним и немецких работников, так любящих методичность, и англичан и американцев? Почему алфавитный реальный каталог, встречающийся еще в библиотеках 17-го века, получил такое большое развитие к концу 19-го века и, по словам Ad. Meyer'a¹⁷ (Гамбург), представляется подлинным и единственным каталогом будущего? Наконец, чем объяснить, что за последний год так активно интересуются им и многие наши библиотекари, — даже те из них, которые ведут работу по десятичной системе, пока для всех у нас обязательной?

Предметным называется реальный каталог, в котором название книг расположено в алфавитном порядке вопросов; по выражению M. Schrettinger'a¹⁹, он является как бы собранием специальных каталогов по всем предметам, о которых имеются книги в библиотеке. С тех пор, как библиотеки потеряли характер книжных архивов, с тех пор как они стали стремиться к возможно более свободному доступу различных читателей, предметный каталог сделался

необходимым. Он должен быть построен так, чтобы „даже профаны могли им пользоваться без помощи распространенной инструкции с тысячью правил“ (H. Schleimer¹⁸). Основное требование, какое к нему пред'является,—легко и точно давать справку любому читателю об имеющейся литературе по любому предмету. „Кто хочет ориентироваться, хотя бы и поверхностно, но быстро и без труда, тот в обыденной жизни обращается к энциклопедическому словарю, а в библиотеках—к аналогичному ему предметному каталогу“,—так определяет место нашего каталога Ad. Meyer¹⁶ в своем докладе на собрании немецких библиотекарей (1923 г.).

Однако, то, что мы называем предметным каталогом, имеет различное наименование и, казалось бы, включает в себе разное содержание. В немецкой литературе он, преимущественно, называется Schlagwortkatalog'ом, хотя на ряду с этим встречаются и понятия Sachkatalog, Stichwortkatalog, Diktionärkatalog. Но знакомясь с интереснейшей историей эволюции предметного каталога по работе Friedrich Bock'a⁷ (Нюрнберг), мы приходим к заключению, что—в конечном счете—весь вопрос сводится к различным стадиям развития одного и того же каталога. Мы не совершим поэтому грубой ошибки, если и в дальнейшем будем все время говорить лишь о предметном каталоге, не вводя никаких резких подразделений: те или другие подробности, делая этот каталог более или менее удобным, все же

не лишают его основных его свойств и, следовательно, названия.

Schlagwort
katalog

Немецкий Schlagwortkatalog решающим выставляет практический момент, возможность быстро находить нужный материал. Но таковым был и любопытный алфавитно - предметный каталог Andrien Baillet (1680—1682), таковым является сейчас и всякий предметный каталог, несмотря на много нововведений и значительные улучшения. Schlagwortkatalog Национальной Библиотеки в Вене (с 1923 г.), и Городской Библиотеки в Цюрихе и библиотек Лейпцига и др. в основном построении не очень отличается от Diktionärkatalog'a университетской библиотеки в Мюнхене, существующего с 1909 г.: тут все дело в первоначальном подходе к работе, в приемах и методе построения каталогов, а вовсе не в самой их сущности.

Словарный
каталог

Всякий предметный каталог, расставленный в алфавите слов, есть словарный каталог, хотя бывают и маленькие словари (Handwörterbuch) и громадные энциклопедии. Правда, практичные американцы, на основании правил Ч. Кеттера, создали соединение алфавитного авторского каталога с алфавитным предметным; по этому же образцу пошла и мюнхенская университетская библиотека. Но, на наш взгляд, совершенно неосновательно именно этой форме присвоено в литературе вопроса название Diktionärkatalog'a,

словарного каталога. Словарным, повторяем, является всякий алфавитно-предметный каталог; весь вопрос лишь в том, как подробно разрабатывать его, какие принципы положить в его основание, все дело—в частностях, в деталях. Один предметный каталог составлен шире, глубже, детальнее, и поэтому лучше обслуживает читателя; другой—делает это значительно хуже, ибо проработан не так исчерпывающе и глубоко.

Перекрестный
каталог

То же, что неосновательно именуется Diktionärkatalog'ом, есть перекрестный каталог, который на немецком языке назывался бы, вероятно,—по аналогии—Kreuzkatalog'ом. Нам думается, что неправа и Л. Б. Хавкина, когда в одной из последних своих статей ставит между этими двумя каталогами знак равенства: не всякий словарный каталог является перекрестным, хотя, с другой стороны, в состав перекрестного может войти и словарный. Всегда ли, однако, нужно это, всегда ли оно полезно?

В конечном счете, это ведь техническая деталь; тут речь не о том или ином содержании каталога, а о форме, которая была бы наиболее рациональна и в наибольшей степени помогала бы в повседневной работе. Иметь ли в одном общем алфавите авторский и предметный каталог, а также и каталог названий—заглавный каталог, который очень помогает, когда не знаешь фамилии автора,—или же держать их в отдельных ящиках, самостоятельными алфавитами?

Это зависит от условий работы данной библиотеки, от удобств. Мы полагаем, что в крупных книгохранилищах было бы очень громоздко соединять все эти каталоги воедино—оно затрудняло бы практическое их использование. Да оно и не к чему—ведь важно иметь все виды каталогов; пользуется же читатель одновременно лишь одним каталогом—в зависимости от характера нужной ему справки. Касаясь практики и условий работы харьковской библиотеки, надо сказать, что там нельзя соединять оба каталога хотя бы уже по одному тому, что к каждому из них приходится много и часто обращаться: там отсутствуют иные справочники: читателей же—самых разнотипных—громадное количество, ежедневных вопросов и обращений—сотни. При таком положении вещей объединенный каталог лишь затруднил бы получение нужной справки; к тому же, он—благодаря широкому использованию—быстро истрепался бы.

Мы готовы пожалуй, согласиться с G. Zedler (Висбаден),²² что перекрестный каталог—он его тоже называет словарным—практичен и удобен лишь для очень малого количества книг, для „библиотечек читального зала“; но тогда он окажется уж не основным каталогом большой библиотеки, а дополнительным, выборочным, подсобным.

Более соответствовало бы условиям практической работы соединение в перекрестном каталоге авторского каталога с заглавным: они оба дают справки

формального характера, оба помогают отыскать определенную, заранее намеченную книгу. Однако, библиотекари, которым приходится работать с авторским алфавитным, в большинстве возражают против перекрестного, ибо—при большей картотеке—это затрудняло бы и замедляло бы поиски. По мнению практических работников, заглавный • каталог очень полезен был бы, но нечего соединять его с авторским—пусть он стоит в отдельных ящиках, самостоятельным алфавитом: ведь на создание его не затрачивается лишнего времени, а при поисках экономия во времени на лицо.

Прежде, чем перейти к последовательному ознакомлению с опытом харьковской библиотеки, построившей свой предметный каталог, резюмируем в нескольких пунктах преимущества всякого предметного каталога перед всяким систематическим.

1. Предметный каталог удобен для самых широких читательских масс, не знающих тонкостей научной систематики; им всего легче пользоваться.

2. Предметный каталог достигает большей быстроты и точности в отыскании конкретного материала—вплоть до самого нового, последнего.

3. Предметный каталог дает исчерпывающий ответ по любому частному вопросу, ставя себе при этом практические задания.

4. Предметный каталог обслуживает также и квалифицированного читателя всех категорий,—вплоть до ученого исследователя.

5. Все больше углубляя вопрос, предметный каталог одновременно и максимально упрощает его изучение. Здесь и проводится деловое осуществление лозунга „науку в массы“.

6. Предметный каталог не боится каких бы то ни было изменений в научных системах, ибо он легко к ним применяется. Он вбирает научные понятия по мере их образования, приводит однозначущие понятия к одному обозначению и может всегда идти в ногу с развитием науки.

7. Предметный каталог более доступен для переработки, нежели всякий иной. Его расположение дает возможность легко заменять одни рубрики другими. Гибкий и эластичный, он совершенствуется ежедневно, в процессе живой работы.

ХАРЬКОВСКИЙ ПРЕДМЕТНЫЙ КАТАЛОГ

Приступая в конце 1920 г. к созданию предметного каталога харьковской общественной библиотеки—ныне харьковской центральной государственной библиотеки им. В. Г. Короленко,—мы в основу всей работы положили интересы и потребности читателя, а также задачи и характер самого учреждения,—его деятельность, его тип, его постановку. Весь темп нашей работы, приемы ее, вся наша „тактика“—все это исходило от практических, конкретных нужд, от данных, реальных условий жизни, от строгого учета ближайших перспектив. Перед нами стояла во весь свой рост громадной важности задача: в самом спешном порядке вооружиться, чтобы не только идти в уровень с жизнью, но и помогать, подталкивать, симулировать неизбежные процессы ее. Рассматривая библиотеку, как учреждение социально-педагогического характера, мы считали совершенно обязательным ее активное содействие строительству новой жизни, ее деятельное участие в этой колоссальной просветительной работе, которая обязательно должна была расшириться и углубиться по окончании гражданской войны. Надо было ожидать притока сотен и тысяч новых читателей, пришедших от станка и сохи, и надо было приготовиться, „подковаться“

для их надлежащего приема и обслуживания. Непри-
способленная, невооруженная библиотека оказалась
бы в стороне от жизни, оказалась бы ненужной,
омертвевшей.

Дело значительно осложнялось так-
же тем своеобразным положением,
Харьковская гос. библиотека им. какое занимает наша харьковская
В. Г. Короленко библиотека на протяжении несколь-
ких десятков лет своего существования. Насколько
нам известно, по типу своему, по размаху работы,
а равно и по ходу развития, это—одна из немногих
библиотек Союза, если не единственная.

Харьковская библиотека—явление весьма инте-
ресное,—пожалуй, даже исключительное в настоящих
условиях жизни. Основанная группой общественных
работников почти сорок лет тому назад, она взра-
щена и взлелеяна несколькими поколениями; люби-
мое детище одних, более старых, она является род-
ным уголком, *alma mater*, других, более молодых.
Росла харьковская библиотека медленно и органи-
чески: зародилась она в крохотной квартире и лишь
много лет спустя, с громадными трудностями, вы-
строила себе то специальное здание, в котором
находится и сейчас. Существовала она книжными
приношениями харьковской интеллигенции, бесплат-
ными авторскими и издательскими экземплярами,
бесвозмездным трудом своих друзей, случайными
вечерами и концертами, небольшими субсидиями
и отчислениями; жила она заботами тех, кто видел

в ней культурный оазис, место приложения сил и общественного пафоса. В свое время библиотека имела свои филиальные отделения и в рабочих районах города, но предрешающие власти поспешили ликвидировать крамольные затеи. Да и в самой библиотеке существовал особый популярный отдел, где за очень доступную плату (5 коп. в мес.) выдавались специально подобранные книги — т. н. тенденциозная литература. В мрачную эпоху деспотизма харьковская общественная библиотека и была почти единственной отдушиной для либеральной, а отчасти и радикальной интеллигенции; в 1905 году она сделалась культурным центром также и революционной общественности.

К началу революции 1917 г. харьковская библиотека является не только крупнейшей на Украине, но и исключительной по своему типу.

Все свои книжные богатства (сейчас свыше 310 т.) и свое прекрасное собственное здание она использует с максимальной производительностью. Являясь единственной большой библиотекой в городе, она играет исключительную роль: это крупный культурный центр, притягивающий к себе все наиболее живое, активное. Всякие публичные выступления — лекции и концерты, диспуты и митинги, заседания и собрания — происходят в зале библиотеки, — в том самом зале, где в течение дня перебивается сейчас иногда и до тысячи читателей. В это же самое время внизу, в абонементном зале, выдаются книги на дом — тоже несколько тысяч абонементов.

Отличительная особенность харьковской библиотеки это—сплетение элементов больших книгохранилищ со многими характерными признаками библиотек широкого, массового пользования. Правда, в этой библиотеке не может вести большую исследовательскую работу круной ученый, ибо тут недостаточное количество первоисточников, нет рукописных материалов и пр.,—это не строго-академическое учреждение с необходимыми архивами и всем прочим. Но, несомненно, тут в известном масштабе ведется научная и научно-практическая работа специалистов; только здесь ответственный научный и практический работник находит все то, что ему нужно для его профессионального дела. Библиотека уже несколько лет получает обязательный книжный экземпляр и, следовательно, собирает в своем книгохранилище все, выходящее в пределах советского Союза. Но, наряду с профессором и студентом, врачом и инженером, учителем и партийным деятелем,—харьковскую библиотеку широко использует и рабочий, и красноармеец, и рабфаковец и сельский общественник: кроме многочисленных отдельных читателей, библиотека обслуживает и заводские коллективы путем передвижных ячеек и даже далеко отстоящее село—путем активной шефской работы. Для одних, других и третьих читателей имеются в библиотеке и разные книги; и для каждого читательского типа нужно вести иную внутреннюю работу, нужно приспособляться к различным потребностям читателя.

Наконец, наша библиотека, в качестве единственной, фактически доступной, является и инструктирующим учреждением для других библиотек, клубов, культурно-просветительных учреждений и т. д., она их снабжает и библиографическими материалами, списками, указаниями.

Вот это соединение в одном учреждении и научной и широко-публичной библиотеки чрезвычайно выгодно в интересах демократизации знаний: ведь тут постепенно и засыпается та пропасть, какая до сих пор существовала между отдельными квалифицированными читателями и массой. Сейчас, в 1925 г., пожалуй, уже и нелегко провести грань между научно-популярной литературой и просто научной: последняя стала излагаться более доступно, а читатель значительно вырос и культурно подтянулся. Но как осложняется зато положение самой библиотеки, вынужденной ставить свою работу таким образом, чтобы можно было обслуживать читателей всех типов одновременно!

Надо еще отметить в заключение, что—в виду постоянных материальных затруднений—харьковская библиотека никогда не имела карточного систематического каталога. Был подвижной алфавитно-авторский каталог и были печатные каталожные томы, в которых вся литература—включая и детскую—разбита на 15 отделов. Томы эти—а их четыре—дополняют один другой, доходя лишь до 1913 года; с 1915 до 1917 г. ежегодно выпускались бюллетени,

а с 1917 г. вся литература разнесена лишь по рукописным тетрадам. Пользоваться всем этим очень нелегко.

Мы столь подробно останавливаемся на харьковской библиотеке потому именно, что от того, а не другого типа библиотеки и зависят одни, а не другие методы и приемы работы по налаживанию библиографической помощи. В книгохранилищах строго-академического характера, где исследовательски работает единичный однотипный высококвалифицированный читатель, могут применяться одни приемы; в массовой библиотеке с сотнями начинающих читателей и с живой политико-просветительной работой — необходим другой подход. Наконец, в учреждении, где своеобразно сплетаются основные элементы различных библиотек, приходится думать о каком-то особом плане и приемах. Далее: там, где имеется подробно-разработанный систематический каталог, возможен иной темп работы, чем в библиотеках, вовсе не имеющих никакого реального каталога. Предметный каталог строится применительно к данной библиотеке и исходя из нужд, запросов, потребностей реального читателя.

Кстати: жестоко заблуждаются те, кто думает, будто предметный каталог необходим лишь в большой библиотеке и будто маленькая — свободно может обойтись и без него. Чем меньше библиотека, чем меньше в ней книг и журналов, тем полнее и лучше надлежит использовать эту небольшую наличность

и, следовательно, тем нужнее предметный каталог; он необходим и во всяком селе, поскольку там ведется просветительная работа. Но, конечно же, разный вид принимает этот каталог в различных библиотеках — в академических вовсе не тот, что в сельских и районных. И—повторяем снова—различными путями и приемами мы подойдем к созданию, к разработке его.

Положение харьковской библиотеки выдвинуло перед нами сразу же вопрос о тактике, какой нам нужно придерживаться при создании новых видов работы. Открывши в конце 1920 г. справочно-консультационный отдел, в котором поначалу частично работало лишь два человека, мы сразу же и убедились, что без предметного каталога нам никак не обойтись: это необходимое орудие труда. Но как взяться за него, с какой стороны подойти при отсутствии и средств и сил?

В интересах планомерности и строгой последовательности, полагалось бы исходить от авторского алфавитного каталога: карточку за карточкой, ящик за ящиком — так пройти и перевести весь каталог и, следовательно, все книги библиотеки. Тогда и можно было бы—по окончании всей работы—утверждать, что наш предметный каталог подон и вобрал в себя все книгохранилище. Но когда это будет? когда наступит окончание этой работы? Когда можно будет пользоваться предметным

каталогом? Очевидно, через десятилетия—никак не раньше, принимая во внимание наличность 310.000 книг и полное отсутствие работников... Этот „академизм“ в работе мы отвергли сразу, поскольку речь шла о практических потребностях сегодняшнего дня.

Можно бы, далее, вести разработку по крупным отделам, начиная с тех, которые в данный момент читаются наиболее,—с обществоведения и политических наук. Ну, а если завтра потребуют у нас справку о дошкольном воспитании или об алкоголизме, нужны будут критические работы о Толстом или списки о пролетарской литературе? Или понадобится дать указания по какому-нибудь частному вопросу того же обществоведения, еще не попавшему в обработку? Если нужно будет дать литературу о Парижской Коммуне или об Японии? Ведь, опять-таки, каталог не поможет делу; вместе с тем, он отрывает от текущих дел много сил и внимания.

Очевидно, в данных условиях такая постепенная, академическая работа является большой роскошью и совершенно нерациональна. Нельзя уходить от ежедневных запросов и, заботясь о далеком будущем, не участвовать в живом, бурном настоящем; нельзя пренебрегать сегодняшним днем во имя далекого завтра. Мы предпочли линию наибольшего сопротивления и с первого же дня работы, с первого десятка карточек, смело пошли навстречу требованиям жизни. Не алфавит, не отдел, не строгая постепенность положены были в основу, не академизм

и не спокойная, методическая проработка материала. Живой читатель, его конкретные запросы и требования; живая жизнь и самое активное в ней участие сейчас, сегодня, непрерывно: вот единственное, надежное мерило наше. Уточнение, скрупулезность, обработка и отделка — позже, когда первая помощь будет обеспечена и налажена. Сейчас же исходить от конкретных нужд читателя и строить предметный каталог размашисто, грубыми мазками, в крупном масштабе, вчерне. На широком фундаменте надо воздвигать много строений, воздвигать быстро и с большим захватом. Сейчас будут служить нам неотделанные, неотполированные строения; важно лишь, чтобы постройки сделаны были прочно и надежно — оттесать потом будет уж нетрудно. И еще очень важно поставить самое работу так, чтобы в дальнейшем — при уточнении и отделке — не приходилось перестраивать все заново, чтобы сделанное вначале было основным фундаментом, основным вкладом.

Рационален ли был в данном случае прекрасный лозунг: „лучше меньше да лучше“? Не следовало ли давать поменьше рубрик, разрабатывать поменьше вопросов, но каждый из них доводить до идеального состояния? Нет, конечно. Массовая работа с нашим читателем требовала и соответствующего темпа при создании предметного каталога: улучшения, детализация — после, а сейчас — практическая, „боевая“ задача.

Однако, из всего этого вовсе не значит, что работа велась безо всякого плана, без руля и ветрил, как придется. Отнюдь нет. План был сразу, и проводился он все время весьма строго и твердо, хотя, с первого взгляда, оно, быть может, и не всем было заметно. В течение продолжительного времени мы не могли показать совершенно готовой работы, ибо непрерывно шло пополнение, шла отшлифовка. Мы не можем заявлять, что такая-то часть каталога, такой-то отдел у нас закончен и до конца обработан. Ибо не отдельными участками мы работаем, а по всему фронту одновременно. Наступит момент—он, надеемся не за горами,—когда работа будет сделана целиком; но тогда готов будет весь каталог, а не только отдельные части, не избранные области.

В самом начале работы нам приходилось выслушивать сомнения по поводу целесообразности наших приемов. Указывалось на то, раньше всего, что пока вопросы предметного каталога во всей своей совокупности не разработаны теоретически, нельзя приступать к практике, нельзя начинать постройку. На этом возражении долго останавливаться не следует: ясно же, что в начале теория вопроса основывается на практике и черпает из нее весь материал. Теория выводится из практических опытов и начинаний и уж затем служит обоснованием для всякой конкретной работы

в дальнейшем. Кто-нибудь должен произнести это первое „а“, иначе дело никогда вперед не двинется, и никакой жизненной теории построить не удастся.

Далее, кое кому представлялось необходимым разработать сначала схему рубрик, создать готовый их план, а уж затем строго разбитые клетки наполнять определенным содержанием. Мы же не пошли по этому пути, справедливо считая, что это стеснит нашу работу, лишит ее размаха, инициативы, сразу создаст трафарет, оторванный от живой жизни. Эта готовая схема оказалась бы Прокрустовым ложем, в которое приходилось бы втискивать карточки во что бы то ни стало, хотя бы им было там тесно и хотя бы интересы дела подсказывали новую рубрику, в схему не вошедшую. Мы предпочли создавать рубрикацию в процессе самой работы, исходя из запросов читателя, с одной стороны, и содержания книги,—с другой. Дальнейший ход нашей работы показал, что мы были совершенно правы: наш комбинированный метод организации оправдал себя целиком. Не было узкой планировки вначале, не предусматривались сразу все мелочи; но общая линия всей работы, основное ее направление, генеральный план оказался вполне надежным маяком. В результате явно получается стройное целое; вырисовывается система, в которой все детали имеют свое об'яснение, свое вполне логическое оправдание; и, вместе с тем, эта стройность несколько не мешает нам вносить все время различные дополнения

и поправки, вызываемые самой жизнью, ее быстрым ходом, ее требованиями.

Считаем нелишним снова подчеркнуть, что не всегда, не при всех условиях рационален и правилен именно такой метод построения. Многое зависит и от характера библиотеки и от темпа ее работы и от состава ее читателей. Да и не везде нужен именно этот размах самого дела: некоторым библиотекам вовсе не требуется широко-разветвленный каталог, других вполне удовлетворяет более методическая и медленная работа и т. д. и т. д. Надо учитывать все эти моменты, хорошо взвесить свои возможности, определить насущные потребности дня,—и лишь тогда выбрать тот, а не другой путь. Строго фиксированных рецептов и указаний в этом смысле не может—да и не должно—быть.

Рубрики нашего предметного каталога появлялись и росли параллельно и в теснейшей связи с запросами индивидуального и коллективного читателя; они составляли органическую часть работы консультационного отдела библиотеки. Так было в начале, в первые годы, когда приходилось особенно строго экономить и время и силы: нужно было удовлетворять конкретные требования каждого дня. Осуществляя дежурства в определенные дни и часы (вначале дважды в неделю по два часа), заведующий консультационным отделом вел беседы с читателями и принимал заказы на рекомендательные списки по тем или иным вопросам: списки эти должны были

изготавливаться в течение 2-3 дней. Но, одновременно с этим, мы считали недопустимой затрату сил и времени на удовлетворение лишь отдельного, единичного читателя: ведь приходилось вначале много рыться в первоисточниках, чтобы найти подходящую для данного читателя литературу по определенному предмету.

В интересах экономии сил и достижения максимального „производственного“ эффекта, сразу же введен был у нас и строжайше проводился такой порядок: 1) при составлении списка по определенному заказу иметь в виду не только данного, конкретного заказчика, но и любого читателя по данному вопросу; 2) ни в коем случае не давать заказчику списка книг до тех пор, пока они не занесены на карточки, пока не сделана соответствующая рубрика. Мы считали, что, при библиографических поисках книг для данного читателя, все равно ведь наталкиваешься на всю литературу предмета: не так уж трудно выписать заодно все, что имеется, а уже из общего списка ответить на запрос конкретного заказчика. Что до второго пункта, тут уже голос живой практики: если не проявлять строгости к самому себе, наша нелегкая работа окажется развешанной, рассыпанной по миру и никак не отразится в нашем каталоге. Даже в том случае, когда оставлена у себя копия рекомендательного списка (а ведь это требует дополнительной работы!), нет никакой уверенности, что книги будут занесены на карточки, а карточки поставлены под рубрику.

Тот порядок, какой ввели мы, несколько осложнял наши задачи, заставлял нас напряженнее работать,—ведь приходилось тут же заполнять карточки на все книги. Но это побудило нас организовать сразу же работу на карточках и—что самое важное—это заложило прочное основание нашему предметному каталогу.

Вскоре же мы столкнулись и с таким положением: количество заказов растет очень интенсивно, так что за ними и не поспеешь; с другой же стороны, заказы поступают также и от лиц с высокой квалификацией и по вопросам узкой специальности. Тогда был введен дополнительно и такой прием. Когда является квалифицированный читатель с таким запросом—а ответ нужен тотчас же, возможно скорее—мы ссылаемся на перегруженность и делаем контр-предложение: садитесь у нашего рабочего стола, куда мы подадим вам для библиографических поисков всевозможные материалы и указатели,—и работайте при нашей попутной помощи, при наших указаниях. Ставим лишь одно условие: все, что читатель найдет по интересующему его вопросу, он должен наносить на отдельные карточки, которые пишутся согласно таким-то правилам (правила эти тут же подаются в письменном виде вместе с образцом заполненной карточки). За пять лет нашей работы мы не припомним ни одного случая отказа: всякий читатель, которому для работы нужен был материал, с большой готовностью принимал наше предложение. Через

час-другой он имел необходимые ему библиографические указания; консультационный же отдел получал первичный материал, который тут же обрабатывался и попадал в предметный каталог под определенную рубрику. Таким-то образом мы создавали десятки новых рубрик, пользуясь для этого добровольным трудом читателей.

Мы, однако, уже в начале своей работы не ограничивались одними лишь запросами и требованиями читателей. Считая, что все эти запросы надо и предусмотреть и возбуждать заранее, мы стремились быть всегда впереди читателя, будировать его интерес, предупреждать его. Имея перед собою справочный календарь всякого рода юбилейных дат, революционных событий, политических, общественных и литературных поминок, мы к ним готовились за две—три недели: составляли карточные указатели, создавали рубрики, и уже оттуда брали материал для рекомендательных списков и плакатов.

Пришлось тотчас же значительно раздвинуть работу: читатель разных категорий вскоре же повалил к нам сотнями, представляя самые разнообразные требования. Всякие международные события и политические перевороты, землетрясения и убийства, железнодорожные катастрофы и воздушные путешествия, научные открытия и технические изобретения,—все это в тот же день отражалось на библиотеке, на ее консультационном отделе: необходимо было давать списки литературы, указания, советы,

при чем делать это приходится тотчас же, по свежему следу, пока не остыл интерес к вопросу.

Консультационный отдел библиотеки — в лице своего предметного каталога — зорко следил за всеми явлениями и внутренней и международной жизни, стараясь, где это возможно, предвосхитить ближайший интерес читателя. Ведь рядовой читатель является за указаниями, обыкновенно, в самые последние дни: перефразируя русскую поговорку, можно сказать, что сейчас он кормит собак в тот самый час, когда уже на охоту необходимо отправляться. Вот почему мы стремимся к тому, чтобы справка была выдана тут же, на месте; оно еще и потому нужно, что массовый читатель пока инертен, ленив: не получивши нужных указаний сейчас же, не всегда он является вторично. Мы ведем библиографические поиски к с'ездам и конференциям, ко всякого рода политическим и литературным выступлениям, к курсам и семинарам, к подготовке и переподготовке. Следя за лозунгами дня во всех областях жизни, мы стараемся тотчас же отражать эти лозунги в соответствующих рубриках предметного каталога. Пользуясь, затем, этим материалом, мы и создаем списки и плакаты, которые вывешиваются не только в нашем здании, но нередко и в крупном рабочем клубе или в профессиональной организации.

Консультацион-
ный отдел и те-
кущая жизнь

Очень скоро выявилась тесная связь консультационного отдела библиотеки со всеми законодательными и административными учреждениями, со всеми профессиональными школами и высшими учебными заведениями, со всеми общественными и рабочими организациями. Загруженные работой, мы не налаживали связи организационной, мы не согласовали своих планов с планами всех этих учреждений; однако, вся наша работа оказалась тесно связанной, контактированной, сплетенной. Стоило только в каком-либо центральном государственном учреждении поставить на очередь любой вопрос из области хозяйственной или политической жизни страны, как тотчас же, в тот же день, мы об этом узнавали: просят спешно подобрать материал о константинопольском проливе, о наших торговых договорах, о русско-персидском экспорте, о паспортном уставе, о сахарной конвенции и т. д. и т. д. Вдруг сегодня много запросов о народничестве и марксизме, с одной стороны, и о промышленных кризисах, с другой: оказывается, всего два часа тому назад были беседы на эту тему в двух „вузах“, в разных концах города находящихся.

Консультационный отдел и предметный каталог обслуживают все возрасты, вплоть до учащихся техникума и трудовых школ; эти последние даже несколько злоупотребляют нашей готовностью помочь. Не проходит и дня, чтобы десятки учащихся разных школ не являлись одновременно за рекомендательными

списками для какого-либо очередного коллективного доклада в школе. Темы докладов бывают обыкновенно очень замысловаты; педагоги же — вместо того, чтобы самим указывать школьникам литературу — ограничиваются переадресованием: пойдите, мол, в консультационный отдел библиотеки („консотдел“), там вам укажут...

Такой темп и размах работы — при крайне ограниченном штате — вынуждает все время непрерывно и лихорадочно двигаться вперед, ни на минуту не отставая и не делая передышки. И лишь в моменты некоторого ослабления напряженной работы, лишь летом, можно несколько оглянуться назад, чтобы кое-где выравнять, согласовать, объединить, улучшить, пригладить. Вот почему еще и в данный момент предметный каталог харьковской библиотеки не отделан окончательно, не отшлифован, не причесан во всех своих частях: эта работа производится еще и сейчас. И это делается в то самое время, когда многие карточки уже пришли в ветхость и заменяются новыми, а надписи на большинстве „разделителей“ уже выцвели, вылиняли в процессе весьма интенсивной своей службы.

Темп и приемы нашей работы, целиком зависящие от поставленных задач, отражаются и на самом содержании нашего предметного каталога. Он является плотью от плоти всей нашей жизни, он — ее верное зеркало, ее детище, ее рефлексор. Казалось бы со стороны, что предметный каталог, который ежедневно

обслуживает сотни читателей, которым—через посредство центральных гос. учреждений—пользуется вся Украина для различных целей, каталог, имеющей свыше 120 ящиков,—такой каталог должен бы давать немедленный ответ на любой вопрос, должен бы содержать всевозможные рубрики. Таким требованиям, конечно же, наш каталог пока не может удовлетворять: он слишком молод для того. Однако, надо сказать, что в нем нет вовсе также и некоторых рубрик, которым как будто полагалось бы быть в каталоге такого размера: так, почти не разработаны вопросы идеализма и мистицизма, слабо представлены пока древние и средние века и т. д.—из'яны, конечно, имеются. Но они никак не могут быть поставлены в вину каталогу, который целиком отражает все культурные запросы, все интересы, всю умственную жизнь по-революционных лет. Не было интереса к этим вопросам, не пред'являлись требования по данным предметам, и, естественно, что, при большой перегруженности, каталог мало внимания уделял этим рубрикам. Сейчас, когда основные—наиболее нужные для текущей работы—рубрики имеются, когда заложены прочные основы работы, можно уж подумать и о различных дополнениях не первой срочности.

Предметный каталог, приемы работы

Как же строился наш предметный каталог? Как создавались рубрики и какими путями мы выуживали весь тот разнообразный материал, что необходим был для нашей повседневной практической

работы? Как выполнялись в начале же заказы отдельных читателей?

Будь у нас подвижной систематический каталог, можно бы первоначальные поиски вести от него; по различным же печатным томам, бюллетеням и рукописным добавлениям это было нерационально и вело бы к большой потере времени. Мы признали наиболее правильным работать по различным библиографическим указателям, справочникам, спискам и т. д. Но с первых же шагов, как только организована была работа, ясно стало, что дело можно, а, следовательно, и должно, сразу же поставить шире: надо тут же использовать всю литературу вопроса, иначе силы затрачены будут недостаточно продуктивно и разумно. Поэтому, снова идя по пути наибольшего сопротивления, но одновременно строго экономизируя время, мы установили такой порядок: по данному конкретному вопросу собирается на отдельные карточки вся имеющаяся литература, согласно библиографическим источникам (специальные труды, указатели в периодической печати, обзоры и пр.). Выписанные по определенным правилам карточки тут же расставляются по авторам и сверяются с авторско-алфавитным каталогом нашей библиотеки: карточки имеющих у нас книг получают соответствующий номер; на остальных делается условная пометка—черточка вместо номера,—показывающая, что такой книги в библиотеке нет вовсе. Этим путем создается одновременно и каталог данной библиотеки, с одной

стороны, и библиографический указатель литературы данного вопроса,— с другой.

Нечего доказывать—полагаем мы—
Каталог-указатель всю пользу такого каталога-указателя.

Наша практика выяснила, что читатель с большой признательностью пользуется также и указаниями на книги, в нашей библиотеке и не имеющиеся: узнавши, что есть, вообще, по данному предмету, он ищет и в разных других библиотеках и у букинистов то, чего у нас не оказалось. Такой каталог-указатель крайне ценен еще и тем, что библиотека получает возможность составлять рекомендательные списки книг для других библиотек: это приходится нам делать почти ежедневно, причем такие просьбы поступают довольно часто и из провинции. Если для составления рекомендательных списков пользоваться лишь каталогом своих книг, нетрудно и пропустить что-либо нужное, чего по каким-нибудь причинам данная библиотека не имеет. Наконец, при таком порядке работы постоянно видишь, чего в библиотеке нет, постоянно имеешь возможность тотчас же пополнить рубрики всеми новейшими указаниями и сведениями.

Мысль о каталоге-указателе, как оказывается, высказывалась уже в трудах по научному библиотековедению. Так, по словам проф. Victor Gardthausen'a (Лейпциг), еще в 1840 г. Н. Ludewig предлагал создать Monokatalog, в котором собраны были бы книги не только данной библиотеки, но все по

данному вопросу, вообще. Поскольку нам известно из литературы, пока такой единый каталог, являющийся одновременно и библиографией, не введен еще нигде, хотя потребность в нем ощущается.

Но, собравши на карточки литературу по какому-нибудь частному вопросу, мы считаем невозможным этим и ограничиваться: необходимо рассмотреть и самые книги, проверить библиографические указания. При сравнительно-слабом развитии библиографического дела в нашем Союзе и при той спешности, с какой в последние годы составляются всевозможные списки, это совершенно обязательно. В этом случае мы целиком согласны с первым библиографическим съездом, который отметил необходимость составлять библиографические списки и указатели лишь по самым книгам, *de viso*; в крайнем случае, если книги видеть не удалось, необходимо отметить это обстоятельство тут же.

Для нашей работы, для предметного каталога, самые книги необходимы также и потому, что далеко не всегда нужный нам частный вопрос освещается в самостоятельном издании: очень часто это лишь отдельная глава, особая статья в сборнике или журнале. Наконец, составителю каталога необходимо ознакомиться с самой работой и для того, чтобы выяснить ее характер: как написана, каков подход к вопросу, для какого читателя пригодна. Все эти данные крайне желательно отмечать и на самой карточке для руководства и читателя и библиотекаря: к сожалению,

у нас это сделано пока лишь кое-где, ибо совершенно не было для того работников (об этом подробнее ниже).

Итак, пред нами несколько книг
Использование для составления нужной рубрики: как
всей книги. в каком порядке, эти книги обрабатывать? Можно бы использовать лишь то, что требуется в данный момент и ради чего книги, собственно, и взяты. Но это явно невыгодно: затрата времени на отыскание номеров книг по алфавитному каталогу, на подачу их, на перелистание и просмотр,— все это не окупается составлением лишь одной рубрики. К тому же, просматривая книги, мы попутно встречаемся тут же с ценным материалом и по другим частным вопросам; не использовать их значило бы упустить много случаев для весьма легкого пополнения предметного каталога.

У нас на этот счет установлено такое правило: каждую книгу, любой материал, почему либо поступивший в обработку, использовать полностью, высосать, выжать до дна. Раз бывшая у нас книга никогда снова для обработки поступать не должна, ибо это—потеря времени; взявши из книги все, что она для предметного каталога может дать, мы ставим на ее титульном листе соответствующий штампель (к. о.—консультационный отдел) и к ней больше уже не возвращаемся.

Использование читательских требований и запросов, подготовка к юбилейным дням и датам, к выдвигаемым

самой жизнью проблемам и лозунгам, — все это основная ось работы, однако отнюдь не единственная. Стремясь охватить все вопросы возможно шире и пополнять предметный каталог возможно скорее, мы и здесь выработали комбинированный подход к работе. Мы параллельно вели разработку и по другим линиям; мы шли и обходными путями, которые — в конечном счете — должны были привести нас и действительно привели все к той же цели.

Разработка
отдельных
авторов

Наметивши себе тот широкий круг вопросов, те области знаний, какие сейчас пользуются наибольшим вниманием читателя, мы выбрали — по алфавитному каталогу — и соответствующих авторов, взяли в обработку их главные, основные произведения. Все это значительно обогатило существующие уже рубрики и дало нам материал для ряда новых рубрик, которые, конечно, использовались читателем сейчас же. Таким то путем мы разработали Маркса и Энгельса, Ленина и Плеханова, Троцкого и Зиновьева, Дарвина и Тимирязева, Герцена и Чернышевского, Белинского и Писарева и многих других; все эти авторы дали много ценного, основного материала для новых рубрик.

Любой журнальный обзор по современному вопросу, любой список литературы в конце новой книжки, новые указатели, — все это попадает на наш „операционный“ стол, подвергается обработке, сравнению с нашими рубриками, все используется.

Считая нужным оживить и снова пустить в оборот целый ряд старых — общих и специальных — журналов, в которых имеется много ценнейшего материала, мы одновременно обрабатывали и их. Год за годом, книжка за книжкой, начиная с самых последних лет и подымаясь к старым годам (с 1918 и раньше), мы использовали все, что могло быть ценного для предметного каталога. Правда, еще далеко не весь комплект имеющихся в библиотеке журналов обработан. Есть журналы, „сделанные“ за последние 15—20 лет, есть и такие, которые только сейчас начаты; очень много имеется журналов, к разработке коих еще не приступлено вовсе. Но то, что уже прошло обработку, исчерпано и использовано до конца.

С конца 1922 г., когда харьковская библиотека начала получать обязательный экземпляр и, следовательно, стала регулярно пополняться, было введено и такое правило: ни одна новая книга не может попасть на книжную полку, в книгохранилище, если она не прошла через консультационный отдел библиотеки и не имеет отметки об ее использовании для предметного каталога. Этот порядок еще больше загружает нас, так как новых книг нельзя задерживать ни одного лишнего дня. Приходится — с крайне незначительным штатом — вести очень интенсивную работу текущего срочного характера и все больше отдалять момент углубленной обработки и отделки рубрик нашего каталога. Но это же колоссально

поднимает зато самую производительность книги, ее оборачиваемость, коэффициент ее полезного действия. Наш предметный каталог, действительно, отвечает на самые жгучие вопросы дня; он лихо-радочно регистрирует все вновь выходящее, тотчас же пополняет этим свежим материалом существующие рубрики и создает новые. Благодаря такому положению, всякий читатель всегда в курсе всех новинок по любому предмету и может их использовать в любое время. Библиотека получает возможность быть в самом центре всей интеллектуальной жизни и активно содействовать ей, активно в ней участвовать. Новые же книги попадают не в архив, не на длительный покой: предметный каталог тотчас же выдвигает каждую из них и для каждой немедленно находит потребителя. Все это служит достаточно веским оправданием нашей тактике; оно лишний раз убеждает нас в правильности методов нашей работы, нашего размаха.

Использование
газет

Точно так же поступаем мы и со всеми журналами и сборниками. Однако, характер нашей работы, весь темп ее таков, что и этого мало, и нужно идти еще дальше. Практика показывает, что по целому ряду текущих и вновь возникающих вопросов нынешний читатель не может ждать до получения книжки по этому предмету или очередного номера ежемесячного журнала: для доклада, для публичного выступления и т. д. этот материал нужен ему тотчас же. Мы

пришли к заключению, что необходимо бы включать в предметный каталог также и газетные статьи, имеющие принципиальный и длительный интерес, наиболее важные декреты и постановления; нужно бы регистрировать и некоторые ответственные речи политических деятелей и т. д. Полное отсутствие средств лишало нас возможности делать эту работу до сего времени, несмотря на неоднократные просьбы читателей. Сейчас, в данный момент, мы принимаем, все же, меры к тому, чтобы наладить обработку и крупнейших газет центров, — общесоюзного и республиканского.

Как обрабатывать книги и сборники, журналы и газеты? Что заносить на карточки и как делать отбор материала?

Весь наш подход к работе в известной мере пред-
решает и ответ на все эти вопросы. Согласно замыслу, наш каталог есть Monokatalog: это единственный реальный каталог, который должен — при развитии своем — удовлетворять всех читателей во всех случаях, подавая всякую книгу „под десятью различными соусами“. Это громадная лаборатория, вбирающая в себя все составные элементы, впитывающая все отдельные части любого печатного произведения. С другой стороны, самая его постройка должна быть сделана возможно экономнее, — так, чтобы не приходилось возвращаться к той же самой работе снова, чтобы не получалось — в конечном счете — топтания на одном месте. Отсюда — один из

лозунгов: карточек не жалеть! Задача каталога — всемерно, всесторонне и возможно быстрее обслуживать различного читателя; решить удачно эту задачу значит добиться большой экономии сил, времени и средств. А для этого нельзя сжимать предметный каталог, нельзя скупиться на карточку: это был бы один из самых близоруких приемов, который в результате, конечно же, никакой экономии не дал бы. Чем более сжато составлять предметный каталог, тем больше времени придется затрачивать при обслуживании читателя, тем дольше придется отыскивать литературу по отдельному предмету. Составлять предметный каталог приходится один раз, обслуживать читателей — сотни и тысячи раз: простой расчет говорит за то, что тут нужна возможно большая полнота работы, максимальная детализация.

Надо сказать, что в литературе вопроса существует мнение, будто книга с ее заглавием может быть помещена только в одном месте предметного каталога; такого взгляда придерживается, между прочим, и Schleimer.¹⁸ Почему так? на чем основано такое требование? — сказать трудно. Во всяком случае, это не в интересах читателя и не на пользу каталога: ведь даже по титульному листу очень часто книгу можно разнести по различным рубрикам — почему же этого не делать? Надо помнить еще следующее. Карточки следует помещать так, чтобы и все библиотечные работники легко могли найти

при случае нужную книгу. Если титульный лист дает основание ставить данную карточку в несколько рубрик, а руководитель выбрал лишь одну из них, придется гадать, рыться в различных возможных рубриках: ведь никто не обязан и не может знать во всех подробностях многочисленные правила, соображения и отступления составителя. Хорошо, если ищущий знает имя автора и обратится непосредственно к алфавитно - авторскому каталогу. В большинстве случаев оно не так — знаешь только приблизительное заглавие. Так не лучше ли избавить всех читателей от излишних поисков, поставив карточки в несколько соответствующих рубрик?

Правда, вместо этого предлагается густая сеть т. н. ссылочных карточек, которые в конечном счете и помогут найти нужный материал. Не возражая против системы ссылок, мы находим их полезными лишь в умеренном количестве. Злоупотреблять ссылками, подставляя их вместо подлинных карточек нельзя уже по одному тому, что читатель их недолюбливает и весьма неохотно ими пользуется.

Частные
карточки

Стоя на противоположной точке зрения, мы свой лозунг — карточек не жалеть — распространяем значительно дальше заглавного листа. Цюрихская и венская библиотеки тоже находят возможным помещать одну книгу в различные рубрики, но, насколько нам известно, этим они и ограничиваются. Мы считали бы всю свою работу практически малополезной — во

всяком случае, недостаточно - продуктивной, — если бы создавали рубрики на основании одного лишь заглавного листа. Ведь сравнительно небольшое количество книг целиком умещает свое содержание в титульном листе, в заглавии. Преобладающее число их содержит ряд разделов, глав, иногда даже частей глав, освещающих в отдельности какой-нибудь частный предмет. Этот последний имеет в нашем каталоге свою рубрику; и было бы совершенно нелогично, неправильно, если бы в данную рубрику работы не попали только потому, что напечатаны не отдельной брошюрой. Ведь надо помнить, что вовсе не всегда в отдельном издании выходит лучшая работа; и наоборот — очень часто какая-нибудь глава большой книги является наиболее ценным материалом по данному конкретному вопросу. Не включая такие работы в рубрики предметного каталога, мы тем самым обесцениваем и рубрики и каталог; с другой стороны, мы сами отказываемся от прекрасного способа популяризации книг и библиографических сведений.

Все это вполне справедливо в отношении цельного труда одного автора, — труда, написанного по определенному вопросу. Но что сказать, в таком случае, о сборниках статей одного автора на различные темы? Как использовать многочисленные сборники нескольких авторов по разным вопросам? Как осведомить читателя, что в таком-то номере такого-то журнала напечатаны такие то статьи на интересующую

его тему? Как обратить внимание читателя на ряд серьезных статей, имеющих в старых журналах и не перепечатанных отдельным изданием? Наконец, как отметить наиболее ценные статьи ежедневной печати?

Виды карточек В этом отношении у нас не было никаких сомнений и колебаний. Мы и не мыслили себе предметного каталога вне подробной разработки каждой книги, каждого сборника, журнала. И с первого же дня нашей работы, выполняя первый читательский заказ, мы использовали и отдельные главы из книг и статьи из журналов.

Так поступаем мы все время, так разрабатываем все печатные материалы. У нас даже и терминология установилась определенная. Имеются три вида карточек: основные (подробная опись титульного листа) повторные (та же карточка, идущая и в другие рубрики) и, наконец, частные (отдельные главы или статьи из сборников; пишутся несколько иначе — см. приложения в конце книги).

Нам встречались в немецкой литературе указания на то, что некоторые библиотекари ставили в свое время вопрос о включении отдельных статей в предметный каталог. Вопрос этот остался, однако, открытым по причинам „непринципиальным“ — не было материальных средств, не было фактической возможности проводить эту работу.

Предметный
каталог
Американский

Американские библиотекари и в этом отношении оказались впереди европейских. Руководитель центральной библиотеки в Цюрихе Hermann Escher, совершивший в 1919 году об'езд американских библиотек, в своей отчетной книжке „Aus dem amerikanischen Bibliothekswesen“ (1923) затрагивает как раз и вопрос об американских предметных каталогах.

За-океанские библиотекари пришли к заключению, что не при всяких обстоятельствах достаточно единственное ударное слово: часто необходимо определить книгу несколькими ударными словами — особенно, если иметь в виду не только разыскивание книги с определенным заглавием, но и поиски литературы по какому-нибудь предмету.

— „Повторное указание одной и той же книги встречается особенно в тех случаях — говорит Н. Escher — когда для определения служит и собственное имя (название лица или места) и нарицательное. Встречаются библиотеки, где указания одного сочинения идут чрезвычайно далеко, так как принимается во внимание не только вся книга в целом, но и ее отдельные части. В большинстве случаев, это научные библиотеки, которые, по примеру Technical Library, в Нью-Йорке, дают за плату письменные библиографические справки и могут поэтому позволить себе роскошь такого распространенного карточного предметного указателя“.

Но, оказывается, и школьные библиотеки в Америке, стремясь сделать книги возможно более доступными для учащихся, идут в этом смысле очень далеко. Так, в штате Висконсин предложен для школьных библиотек образец предметной каталогизации, при чем, благодаря многим добавочным указаниям, данное заглавие встречается в каталоге в 20 и даже в 30 рубриках.

Немецкие библиотеки, как мы указывали выше, обрабатывают книги далеко не так полно; правда, они выставляют в этом случае не принципиальные соображения, а чисто материальные.

Но мы лично слышали и принципиальные возражения против такого нашего понимания сущности предметного каталога, против этого расширительного толкования. По мнению А. А. Покровского, под предметным каталогом следует понимать каталог ударных слов (*Schlagwortkatalog*); то же, что делает харьковская библиотека, является тематическим указателем: работа, мол, ценная, но уже вне предметного каталога. Ознакомившись не так давно с работами А. А. Покровского в московской губернской центральной библиотеке, мы не считаем возможным монопольно присваивать именно этому каталогу почетное звание предметного; нам думается, что харьковский предметный каталог имеет отнюдь не меньше прав на свое наименование, хотя и мы не претендуем на монополию. Московская губернская библиотека приступила недавно к составлению

алфавитного указателя книг, карточки коих ставятся по главному слову титульного листа. Это, пожалуй, скорее заглавный каталог, расположенный, однако, не по первому слову (т. н. Stichwortkatalog), а по основному, наиболее характерному. С точки зрения нашего толкования задач и целей предметного каталога, московская работа является первым предварительным этапом по пути к цели; это еще формальный, а не практический каталог. Когда все книги московской библиотеки будут нанесены на карточки и расставлены в алфавите, тогда, по словам руководителей, начнется подробная разработка отделов по темам. Иначе говоря: весь вопрос, в сущности, лишь в темпе, в методах, в приемах работы; впрочем, об этом мы уже говорили выше достаточно подробно.

Слышали мы и такое мнение—мы, Тематический указатель мол, смешиваем предметный каталог с тематическим указателем, с одной стороны, и с библиографическим,—с другой. Совершенно правильное замечание. Но, по совести говоря, мы не видим места т. н. тематическому указателю: как только рождается предметный каталог, неизбежно должен уйти со сцены и уходит его бывший заместитель: ведь предметный каталог поглощает его, пожирает, впитывает в себя; в сущности, весь-то предметный каталог и состоит из большого количества этих самых тематических указателей, соответственно спланированных. Отдельные тематические

списки, которые приходится составлять от случая к случаю, должны черпать весь свой материал из той или другой рубрики предметного каталога, ибо он играет роль главного, основного, наиболее хорошо обставленного склада библиографических материалов.

Отсюда близкое родство предметного указателя и с библиографическими справочниками, которые в конечном счете тоже сливаются воедино. Мы уже указывали, что при работе над предметным каталогом приходится использовать и всевозможные справочники в качестве дополнительного материала. Если же добавить, что мы стремимся на лицевой стороне карточки указывать цифровым обозначением степень трудности книги, что на обороте пытаемся давать понятие о самой книжке („описательная“ аннотация) и, наконец, что в условленном месте отмечаем идеологическое направление автора, — если учесть все это, то что же отличающего, характерного останется на долю библиографических справочников? Более того: разве и самые эти справочники не будут, в свою очередь, черпать материал для себя из такого предметного каталога? Как раз в практике харьковской библиотеки имеется очень много таких случаев: не только отдельные списки из наших рубрик печатаются различными авторами в качестве литературы вопроса, но очень часты попользования воспользоваться целиком нашими материалами для самостоятельного библиографического указателя.

Проявляя определенную тенденцию быть единственным реальным каталогом, наш предметный каталог включает литературу всех видов и всякого содержания. Если какая-нибудь книга написана не по определенному предмету, а касается всех вопросов данной обширной области, мы ее помещаем под рубрику более широкую—с отметкой „общие вопросы“. Так, пусть пред нами сочинение, посвященное различным вопросам литературы. Если каждая отдельная статья данной книги подходит под особую рубрику, мы имеем т. н. частные карточки и расставляем их по местам. Но что делать с основной карточкой, написанной по титульному листу? Как поступить с нею в обоих случаях—если есть частные карточки и если их нет? Мы эту основную карточку отправляем в рубрику „литература—общие вопросы“ или „литература русская—общ. вопросы“ (смотря по содержанию книги). Многие крупные вопросы и отделы знаний имеют у нас свою рубрику с такой именно отметкой: туда и попадают все те общие сочинения, которые освещают весь вопрос в целом. Если в этой же книге имеется стоящий материал и по предмету, более узкому, пишется также и частная карточка.

Вопреки встречающемуся в западно-европейской практике обыкновению, мы стремимся включать в предметный каталог также и те сочинения, которые не имеют строго разграниченного предметного содержания. Так, собрания пословиц, легенд, народных

песен и пр. мы помещаем под рубрику „пословицы“, „легенды“, „песни“—с подрубрикой — „материалы“. Эти произведения стоят тогда в одном месте с научными исследованиями о них, но это практически бывает очень удобно; что до теоретического обоснования такой „вольности“, то оно нас, признаться, весьма мало тревожит.

Беллетристика Далее. Несколько слов о положении беллетристики в нашем предметном каталоге. Исходя из того, что художественная литература большею частью не имеет предметного содержания, немецкие библиотекари не допускают ее в предметный каталог вовсе. Впрочем, кое-где следуют в этом отношении цюрихским образцам и распределяют беллетристику не по содержанию, а по форме произведения, по видам (Formwort). Очевидно, беллетристика расставляется там под рубрики „романы“, „новеллы“, „повести“, „стихи“, „юмористика“ и т. д.

Мы и в этом отношении пошли несколько по иному пути. Во-первых, мы рассматриваем свой предметный каталог не в качестве научного только: как Monokatalog, он должен включать все виды литературы. Во-вторых, исходя из нашей беллетристики и имея в виду нашего рядового читателя, мы не согласны с тем, что художественная литература обыкновенно не имеет предметного содержания. Как раз русская литература—и современная и классическая—такое содержание имеет; „беспредметная“

беллетристика у нашего среднего читателя никаким успехом не пользуется. Поскольку же художественные произведения играют крупную роль в деле создания новых читательских кадров, поскольку в руках наших библиотекарей они являются мощным орудием воздействия,—мы всемерно стремимся систематизировать их подробно, по темам и рубрикам.

Почти невозможно отыскать такую тему, которая не имела бы беллетристической разработки: астрономия и история культуры, классовые противоречия и политическая борьба, философия и естествознание,—все это, более удачно или совсем неудачно, находит свое отражение в художественных произведениях. Да и любая текущая кампания, любой революционный праздник, годовщины и поминки обязательно сопровождаются рассказом или стихами, инсценировками или воспоминаниями.

Не опасаясь за чистоту своего каталога, мы даем подрубрики для художественной иллюстрации того или иного исторического события тут же, рядом с рубрикой.

Практика показала, что крайне удобно, и для библиотекаря и для читателя, когда вслед за рубриками — „Парижская Коммуна“, „Девятое января“, „Ленский расстрел“, „Потемкинские дни“, „Революция октябрьская“ и мн. др.—стоят в подрубрике („Парижская Коммуна—материалы“) художественно-иллюстративные произведения.

И, однако, это, в большинстве случаев, прикладная литература—на подобие прикладного искусства. Что до художественной литературы не столь узко-служебного характера, то и ее следует распределять по предметному принципу, помещая уже не в общих, а в отдельных ящиках.

Но по каким признакам сортировать беллетристические произведения? Ответ на это дает начинающий и рядовой читатель, своими запросами указывающий направление работы. Здесь имеется две основных линии.

Одна—весьма многочисленная—группа читателей не предъявляет никаких конкретных требований, кроме одного: „дайте почитать что-нибудь поинтереснее“. Поставивши такому читателю 2—3 вопроса, сразу можно выяснить, какая тема окажется для него сейчас интересной, о чем он почитал бы с удовольствием. Для всех таких читателей примитивного типа следует разбивать художественные произведения на основные разделы, как бы систематизировать содержание книг: надо всю беллетристику сбить вокруг нескольких тем, могущих захватить этого неискушенного читателя,—в зависимости от того или другого уклона его, от тех или других интересов.

В другом месте * нам уже приходилось приводить рубрики беллетристики для начинающего читателя

* см. Борович.—Пути сближения книги с читателем.—Опыт методологии культурной работы в библиотеке. Изд. „Труд“, X. 1922 г.

и сейчас остается лишь сделать оттуда соответствующую выписку. Но мы считаем нужным снова подчеркнуть, что это — лишь приблизительное и отнюдь не обязательное деление; это лишь образцы, примерная схема.

Рубрики беллетристики

Содержание этой схемы таково:

1) Будущее общество; 2) Буржуа; 3) Война и военные; 4) Воля и настойчивость; 5) Деревня; 6) Дети; 7) Евреи; 8) Женщина и ее жизнь; 9) Интеллигенция трудовая; 10) История; 11) Капитал и труд; 12) Каторга и ссылка—воспоминания; 13) Купеческий быт; 14) Лумпенпролетариат; 15) Молодежь; 16) Моряки; 17) Пролетарская солидарность; 18) Путешествия и приключения; 19) Рабочая жизнь; 20) Революционная борьба; 21) Шахтеры; 22) Школа: а) новая и б) старая. Мы отнюдь не настаиваем, чтобы исключительно эти рубрики были, как не отстаиваем такого именно названия их: можно отсюда кое-что и убавить и прибавить, можно по-иному наименовать. Важно лишь, чтобы разбивка, расставленная в алфавите, шла по линии интереса данной категории читателей.

Мы должны оговориться. При той исключительно большой работе, какую приходится вести предметному каталогу харьковской библиотеки и при той нагрузке, какая имеется благодаря весьма малочисленному штату, разбивка беллетристики идет у нас очень медленно и от случая к случаю: ведь

для того, чтобы определить художественное произведение, нужно прочесть его целиком, а это—при нынешнем обилии книг—очень трудно. Мы собираем всю текущую беллетристику отдельно—пока в алфавите авторов—и затем постепенно переводим отдельные карточки под предметные рубрики соответствующих ящиков. В последнее время мы стали пользоваться для разбивки беллетристики всеми текущими рецензиями о ней.

Библио-психоло- Непосредственная работа с массо-
гические фор- вым читателем требует иногда и
мулы книг иной разбивки беллетристики — не
только по предметному содержанию, но и по иным признакам: эмоциональные книги, фантастика, индуктивное или дедуктивное изложение, степень трудности книги и пр. Здесь мы этого крайне-интересного момента не касаемся потому, что считаем такую систематику выходящей из рамок предметного каталога. Добавим лишь, что этот вопрос недавно разработал Н. А. Рубакин в своей новой—еще неопубликованной—статье: „Библио-психологические формулы книг, как необходимое пособие для их выбора читателем“ *.

Перейдем к другой, тоже весьма многочисленной группе потребителей беллетристики. Для всякого рода докладов — школьных и внешкольных, для

* „Читатель и Книга“, сб. II, ред. Б. О. Боровича, издание „Труд“ (выйдет осенью 1925 г.).

всевозможных самостоятельных работ очень часто требуют у нас сейчас художественные произведения на самые неожиданные темы: аборт, жизнь почтово-телеграфных работников, труд швейников, половые переживания детей и т. д. и т. д.—ежедневно десятки тем. Это наталкивает на мысль о создании параллельно и более подробного предметного каталога по беллетристике. Можно бы на каждое произведение выписывать столько карточек, сколько специальных тем оно затрагивает. На каждой готовой карточке с верхнего правого края лицевой стороны отметить рубрику: „проституция“, „семья“, „киргизы“ и т. д.; и затем все карточки расставлять в особых ящиках—не по алфавиту авторов, а по алфавиту этих слов-рубрик. Конечно, такая разбивка чрезвычайно помогла бы делу правильного руководства читателем; мы думаем, однако, что отдельным библиотекам это совершенно не под силу и не по средствам.

Иностранные книги В последнее время мы стали понемногу переносить в предметный каталог и книги на иностранных языках, ибо практика показала большую в этом потребность. Делается это очень осторожно; обрабатываются пока либо вновь поступающие книги (а их чрезвычайно мало) либо же наиболее нужные и интересные из старых. Для карточек иностранной литературы не создаются особые ящики—признано это и неудобным

для читателей и очень обременительным для библиотекарей. Карточки на иностранных языках попадают в общие рубрики, но отдельным алфавитом,—после русско-украинского.

Подсобные указатели Повседневная практическая работа выявляет часто нужду в отдельных вспомогательных, подсобных указателях—для тех или иных целей. В интересах быстрой, бесперебойной и точной выдачи справки, нашему предметному каталогу и приходится выделять особые ящики. Так, к нам чрезвычайно часто обращаются—и индивидуально и коллективно—подростки и самые начинающие читатели из взрослых с такой просьбой: порекомендуйте, что и как читать по порядку, систематически. В этих случаях приходится производить поиски по различным рубрикам, отыскивая в каждой по 1—2 книги соответствующей доступности; и эту самую работу проделываешь много раз. Оказалось более выгодным снять копии всех этих карточек и поместить их под надлежащие рубрики в особом ящике.

Далее, в таком же роде пришлось поступить и с книгами для детей переходного возраста, полуподростков. Эти читатели упорно не желают посещать детскую библиотеку, хотя там для них литература имеется. Их повышенное самолюбие, их стремление „тянуть самих себя за уши“ не позволяет им общаться

с детскими читателями и посещать детскую библиотеку. К сожалению, специальных библиотек для детей переходного возраста и для подростков у нас нет, и обслуживать их приходится общей библиотеке,—в частности, консультационному отделу и его предметному каталогу. В интересах дела, пришлось создать особый ящик „Ю“ (литература для юношества разных возрастов).

Оба эти вспомогательных каталога еще далеко не обработаны полностью, нуждаются еще в специальном внимании и заботах,—как, впрочем, и весь предметный каталог в целом. Однако, начало положено, и соответствующие читатели получают помощь тотчас же, на месте.

Еще один случай. К нам весьма часто обращаются и актеры-профессионалы, и учащиеся драматических курсов и ряд любителей из клубных и школьных кружков за указаниями по поводу тех или иных пьес. Обычно запрашивают, где—в каком журнале, сборнике или альманахе,—напечатана такая-то пьеса, водевиль, шутка; и в этих случаях запрашивающий очень редко знает имя автора—он дает лишь название вещи. Другие просят порекомендовать для любительской постановки какую-нибудь пьеску—из жизни ли рабочих, о молодежи, о положении женщин в крестьянстве и пр.; при этом ставится условие—столько то участников и не больше столько-то актов.

Как помочь читателю? Ведь пьесы разбросаны по бесчисленному количеству изданий; да и самостоятельно напечатанной пьесы никак не найти, если неизвестен автор, а имеется одно лишь название. Предметный каталог взялся и за эту задачу. Из различных сборников и альманахов, из театральных и общих журналов, из указателей пьес, из полного собрания сочинений отдельных известных драматургов мы выуживали пьесы и заносили их на карточки: на одной—первое место занимает автор, затем—название пьесы и все остальные сведения; на другой—первое место отводится названию, затем—автор и пр. Одна из этих карточек расставляется в алфавите авторов, другая—в алфавите заглавий. Таким образом, можно легко найти любую пьесу, где бы она ни была помещена, если знаешь либо фамилию автора либо же название произведения. Мы не можем категорически утверждать, что в эти каталоги попали решительно все пьесы из нашей библиотеки (ибо еще не все журналы обработаны): во всяком случае, свыше тысячи драматических произведений там имеется. Но не без удовлетворения можем мы констатировать, что сотни читателей с благодарностью пользуются этими ящиками и даже приезжающие из северных столиц актеры-профессионалы находят их для себя чрезвычайно ценными и нужными.

Конечно, такая расстановка пьес вовсе не является предметной—разбивка по предметному принципу

еще впереди, это—дело будущего и, вероятно, не такого уж близкого. Но сделанная работа есть, несомненно, часть предметного каталога; она могла быть проведена только в непосредственной связи с разработкой этого каталога.

Разбивку пьес по предметному содержанию мы предприняли уже сейчас, но лишь в отношении т. н. социальных пьес небольшого размера. Из общего каталога пьес—во время его составления—были выделены постановки на социальные темы. Они составлены не в алфавите авторов, а в алфавите рубрик, которые отмечаются в верхнем правом крае лицевой стороны карточки.

Организация
работы

Но—спрашивают нас—как же наладить все? Как управиться со всей этой разнообразной, кропотливой, тяжелой работой при отсутствии сил и средств? И не лучше ли возделывать поочередно отдельные небольшие участки этого громадного фронта, брать лишь те или другие отделы? Нет—отвечаем мы—так работать нельзя, если нужно удовлетворять живым насущным потребностям. Мы предпочитаем обрабатывать меньше книг, останавливаясь пока на лучших; но рубрик должно быть много,—столько, чтобы они отвечали на все запросы современного читателя. Пусть каждый получит не вполне исчерпывающую справку, но пусть каждый—в лице предметного каталога—имеет подвижного руководителя по любому вопросу. Не в глубину, но в ширь пока!

Для того, чтобы справиться с этой работой, необходимо правильно организовать ее; надо поставить ее так, чтобы не пропадало попусту ни одно усилие, ни один прием. Необходимо разбить всю работу на отдельные элементы и к техническому выполнению всей работы широко привлечь наиболее активных читателей — на положении добровольных сотрудников. Мы добровольчество использовали весьма широко, и лишь благодаря этому получили возможность работать столь „развернутым“ фронтом. Строго учтя все свои возможности, надо — в зависимости от них — и планировать свой предметный каталог. Благодаря своей чрезвычайной эластичности, он обладает способностью растягиваться и сжиматься до любого, нужного размера и, вместе с тем, не теряет тех своих свойств, что делают его предметным каталогом. Выбор того, а не другого плана работы, одних, а не других путей подсказывается всеми теми условиями, в каких работает и вынуждена работать данная библиотека.
